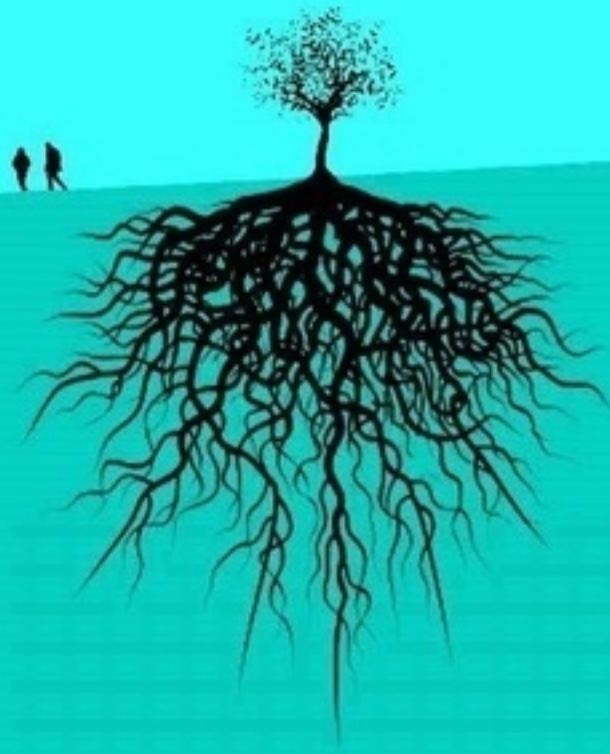

ЕЛЕНА

САЗАНОВИЧ

СОЛДАТЫ
ПОСЛЕДНЕЙ
ВОИНЫ

Елена Сазанович

Солдаты последней войны

«Автор»

2002

Сазанович Е. И.

Солдаты последней войны / Е. И. Сазанович — «Автор», 2002

(Журнальный вариант опубликован в «Юности» 2002, № 3, 4, 6. Отрывок из романа вышел в сборнике «Московский год прозы-2014», изданный «Литературной газетой».) Этот роман был написан в смутные 90-е годы. И стал, практически, первым произведением, в котором честно и бескомпромиссно показано то страшное для нашей страны время. И все же это не политический бестселлер, а роман о любви, дружбе и предательстве. О целом поколении, на долю которого выпали все испытания тех беспокойных и переломных лет. Его можно без преувеличения сравнить с романом Эриха Мария Ремарка «Три товарища». Напечатанный в нескольких номерах журнала «Юность», он пользовался огромным успехом у молодежи.

Содержание

От автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Сазанович

Солдаты последней войны

От автора

Мне вообще кажется, что каждая эпоха – это отдельная планета. И чужие планеты не стоит пока покорять. Мы еще не покорили свои. Бывает, эпоха длится сто лет – но событий на десятилетие. Впрочем, это не про Россию. Бывает, эпоха длится десятилетие – а событий на десятки веков. Вот это, увы, про нас. В том числе про те далекие 90-ые (когда и была написана эта история)... Хотя не такие уж и далекие. Что такое двенадцать, пятнадцать, ну пусть даже двадцать лет? И все же. Теперь мне те годы вспоминаются настолько отчаянными, чужими и страшными, словно кто-то по ошибке сбросил на нас эти десятилетия. И они взорвались. Как бомба. Рани нас, калеча, убивая. И все-таки мы как-то выжили. Или уцелели. Но осколки от снарядов по-прежнему не дают спать по ночам. Впиваясь в воспаленную память. Впиваясь в 90-ые годы. Когда и снег был грязнее, и солнце слабее, и дожди сильнее. Когда мы настолько медленно и мучительно шли к Богу. Насколько быстро и легко убегали от Родины. Первое нам удавалось с трудом. Второе нам просто удавалось. Но, к счастью, не удалось... И такой была наша Москва. Точнее она была не наша. Но мы в ней жили. И были молоды. И даже позволяли себе любить. Хотя любовь давалось все тяжелее и тяжелее. Как и любовь к Родине. И все проще и проще давалась ненависть... Этот роман был написан в середине 90-х, и в 2002 году его журнальный вариант опубликовал журнал «Юность» в трех номерах. Май 2015 года.

* * *

Это случилось в одно мгновение. Настолько быстро, что у меня не было времени сообразить что к чему. И в памяти запечатлилось одно. Палящее июльское солнце. Жар раскаленного асфальта. Маленькая фигурка, оказавшаяся в потоке сумасшедших машин. Еще совсем чуть-чуть...

Одним рывком. Так ничего окончательно и не сообразив, я прыгнул в кишащее море железных акул и отшвырнул мальчишку на тротуар. Раздался истеричный визг тормозов, и потенциальный убийца скрылся в гуще себе подобных. Мгновенно, я даже не успел запомнить номер машины.

Мальчишка лежал на раскаленном асфальте. Вокруг него уже собиралась толпа, изможденная городской жарой, которую слегка взбодрило это происшествие.

– Скорую, скорую скорее нужно! – причитала какая-то старушка. – Мальчишка-то не встает, может покалечился.

Я приблизился к пареньку. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что он абсолютно цел и невредим. Но удивительно, что его абсолютно ничего не взволновало. Словно не он, а кто-то другой, совсем посторонний, сейчас чуть было не угодил под машину. Мальчик по-прежнему не вставал, разве чуть приподнялся на локтях и безразличным взглядом смотрел куда-то вдаль, мимо толпы.

– Не надо скорую, – остановил я бабушку, которая уже высматривала телефон.

Я нагнулся, сделал вид что нащупываю пульс у мальчишки, а сам сквозь зубы прошел ему на ухо.

– Быстро поднялся, симулянт.

Он не зло, но с какой-то печальной досадой бросил на меня быстрый взгляд и нехотя поднялся. И даже попрыгал на месте, будто издеваясь надо мной. Будто демонстрируя собравшимся, что отдался легким испугом.

– А паренек и впрямь, слава Богу, здоров, – радостно констатировала старушка.

Граждане стали лениво разбредаться, вновь с тоской погружаясь в жаркий летний день. Я тоже собрался было уходить, не рассчитывая даже на «спасибо» от спасенного. Впрочем, возможно, для него это было обычным делом – прыгать под машины и с помощью случайных сумасшедших героев спасаться от верной смерти. Но все же слова благодарности прозвучали. От его папаши, внезапно возникшего и судорожно ощупывающего сына.

– Котик, Боже мой, Котька, с тобой все в порядке... О господи!.. Стоило только отлучиться на минутку... Негодяй. (Легкий шлепок по спине). Я же тебе приказал! Я же приказал оставаться на месте... Мальчик мой... Ты не ушибся? Ты запомнил номер машины? Нет, ты все-таки идиот! Какого черта тебя погнало на дорогу! Ну же, отвечай (Уже более сильный шлепок по заднему месту).

Вообще-то, мне не было никакого дела ни до подростка, ни до его папаши. Никаким спасителем я себя не чувствовал и с чистой совестью повернулся, решив ретироваться. Оставив папашу, сына и парочку любопытных бездельников самим разбираться в происшествии. Но сильная рука удержала меня. Я оглянулся.

– Ведь это вы спасли сына? – громко спросил он. – Я все видел... Вы ведь и оказали ему первую медицинскую помощь.

Ну, это уже слишком. Никакую помощь я никому не оказывал, но разбираться не хотелось. И я предпринял еще одну попытку незаметно смыться. Но было поздно. Папаша мальчишки уже крепко жал мою руку.

– Спасибо, огромное спасибо! Не знаю, как вас отблагодарить.

Я только улыбнулся и оценивающе оглядел его.

Он был моего возраста, лет тридцати пяти, правда, выше на голову, спортивно сложен и довольно красив. В нем все было безукоризненно. Правильные черты лица, гладко зачесанные черные волосы, очень дорогой костюм. Я сразу сообразил, что мы с ним были, что называется, разного круга. По сравнению с ним, я выглядел довольно жалко. И хотя мне никогда не приходилось комплексовать по поводу своей внешности (у Господа все-таки хватило на меня времени), в последнее время, потеряв не ахи какую работу, я чувствовал себя окончательно выброшенным за борт жизни. Именно это меня все время и злило. Вселяя неуверенность. А чувство неуверенности злило еще больше.

– Вы не представляете, как я вам благодарен, – не переставал рассыпаться в любезностях мой случайный собеседник. – Он у меня такой рассеянный... Вы даже себе не можете представить. Все время где-то витает. Вот и опять машину наверное не заметил... Или все-таки виноват шофер?

Шофер не был виноват, в чем я был уверен на все сто. Но другое не давало мне покоя. Теперь, когда случившаяся история уже ушла в прошлое, она, как часто бывает, вдруг представилась не случайным набором секунд, а четко выстроенным длительным эпизодом. Я вдруг отчетливо вспомнил, как мальчик вполне осознанно побежал на красный свет. Прямо под колеса. Возможно, именно это и позволило мне молниеносно среагировать... Он стоял у кромки тротуара, горел зеленый свет, а я только приближался к перекрестку. И как только зажегся красный, мальчишка сорвался с места. И побежал.

Я внимательно посмотрел на паренька, который, наступивши, стоял неподалеку. Он был рыженький, веснушчатый, очень симпатичный и очень смешной. Я, признаюсь, давно не встречал таких среди двенадцатилетних подростков. Что-то в нем было из моего детства. Такая же чистота, невинность и обаяние, что сегодня так редко встретишь среди нынешних тинейджеров.

И когда его отец повторил свой вопрос, мальчишка посмотрел на меня с немой просьбой. И я невольно сказал не всю правду.

– Шофер, действительно, не виновен. Просто, как мне показалось, ваш мальчик о чем-то задумался… Ты всегда так много думаешь? – я погрозил ему пальцем. И потрепал его по рыжим взъерошенным волосам. – Ну, пока. Рад, что с тобой ничего не случилось. Смотри, не задумывайся на дорогах. Лучше где-нибудь на природе.

– Нет, – решительно заявил его благополучный папаша. – Просто так мы вас не отпустим. Я должен вас обязательно отблагодарить.

Его взгляд мимолетно скользнул по моим потрепанным джинсам, стареньким кедам и мятым футболке. Это окончательно меня вывело из себя.

– А что, – сквозь зубы прощедил я, – жизнь вашего сына имеет определенную цену?

Он рассмеялся. Снисходительно, но вполне дружелюбно. Наверняка, он был уверен, что цену имеет все и вся.

– Ну, зачем вы передергиваете?! Я совсем не то имел в виду. Но все же отпустить просто так вас не могу. Может быть, вместе отужинаем где-нибудь?

– Благодарю, но я привык ужинать дома.

– В таком случае, приглашаю вас в свой дом.

– Еще раз спасибо, но я очень занят. Всего доброго.

Я резко повернулся и решительным шагом направился к остановке, к которой подходил автобус. Хотя это был не мой автобус и даже не моя остановка, мне вдруг захотелось немедленно уехать. И скрыться от оценивающего взгляда выхоленного джентльмена из чужого мира, соприкосновение с которым каждый раз приносило лишь боль и отчаяние.

Уже на остановке кто-то вновь дернул меня за майку. Обернувшись, я увидел того мальчишку, которого только что вытащил из-под машины.

– Пойдем к нам, – вдруг попросил он меня.

– Ты тоже хочешь меня отблагодарить? – я криво усмехнулся.

– Ну зачем ты, – смущаясь он, почему-то обращаясь на «ты». – Я тебя не собираюсь благодарить… Потому что не за что.

– Так я и думал. Ты же специально бежал на красный свет?

– Но ведь ты об этом никому не расскажешь?

– Никому, – пообещал я. – Тем более, что никого из участников происшествия уже никогда не увижу.

По лицу мальчика вдруг пробежала какая-то тень. Оно вновь стало очень взрослым, замкнутым и безразличным. И он вновь посмотрел мимо меня куда-то в даль.

– Ну, да, – тихо сказал он. – Конечно, не все ли равно? Ну, пока.

Не мой автобус уже ушел. Я молча глядел в спину мальчишки. И почему-то вспомнил Экзюпери, хотя для этого не было никаких оснований. И известная фраза знаменитого француза вдруг преобразилась. Мы в ответе за тех, кого спасаем. Иначе зачем их вообще спасать… Черт, ну и вляпался. Хотя, в конце концов, что мне стоит с ними отужинать?

– Я рад, что вы согласились, – отец мальчишки еще раз пожал мне руку. И представился. – Павел…

Мы мчались в черном джипе с тонированными пуленепробиваемыми стеклами. По прямому шоссе машина летела бесшумно и легко. Впрочем, это был самый ненавистный мне вид автотранспорта, в котором роскошь преобладала над средством передвижения. И если бы не мальчишка, то я бы и под дулом пистолета не сел сюда. Подобные бронетранспортеры народ не зря окрестил катафалками. Каждый раз, видя их несущимися по улице с бешенной скоростью, и у меня все время возникало ощущение, что в них едут потенциальные мертвцы. Такие вороные, лакированные, чересчур торжественные авто, которые непременно хотелось украсить

траурными венками и лентами. Конечно, уж их владельцам подобные сравнения не приходили в голову. Напротив, они безмерно гордились своими сокровищами (в прямом смысле слова) и считали их одним из главных показателей благополучия. А я все никак не мог взять в толк: как может быть благополучен траур…

Наверное, внезапный знакомый был из таких гордецов. Он сразу показался мне человеком никаким И уже в комфортабельном катафалке я еще больше убедился, что глупость и снобизм этого дорогостоящего красавчика ничем не отличались от глупости и снобизма многих ему подобных. За короткое время поездки он успел во всех подробностях сообщить сколько стоит его джип, где и как приобретен и почему за рулем он сам, а не персональный водитель. Впрочем, его весьма содержательный рассказ меня мало заинтересовал. Но, соблюдая правила приличия, я кивал в ответ, даже иногда издавая междометия, должны обозначать удивление. И только раз я искренне встрепенулся, когда он громко спросил.

– Кирилл, вы случайно не шофер, а то я мог бы подбросить приличную работенку? На зарплату обижаться не будете.

Я усмехнулся. Что ж, по-видимому, мне впервые придется пожалеть, что я не шофер. Что у меня два высших образования. Что я, как дурак, когда-то закончил медицинский институт по специальности психиатр. Что потом бросил клинику, где работал после вуза, и, будучи еще большим идиотом, поступил в консерваторию на композиторский… Впрочем, музыке мое знание психологии, возможно, даже помогало сочинять произведения, волнующие и лечащие душу. Единственное, что мешало – это времена, когда все чаще приходилось жалеть, что ты не пронырливый и не лицемерный торгаш. Время, когда вся страна превратилась в базар, где не было места настоящей музыке…

– Или все-таки нам обоим повезло – и вы случайно оказались шофером? – весело продолжал мой новый знакомый.

– Нет, Павел, нам не повезло. Я не шофер, – вяло констатировал я. И сразу же пожалел, что ввязался в это ненужное, пустое знакомство.

Какого черта я вообще здесь? В этом страшном катафалке, рядом с этим самодовольным напыщенным типом. Который снизошел до готовности стать моим хозяином.

Я взглянул на мальчика, сидевшего рядом. Он, не отрываясь, смотрел на меня с какой-то нескрываемой досадой. Словно и вправду жалел, что я не шофер. Хотя, может, мне еще предложат мыть полы и вытираять пыль в их доме?.. Я перевел взгляд за окно. Мы выехали с кольцевой. Столица осталась позади. Мимо мелькали луга, кое-где выгоревшие от зноя последних летних дней.

– Вы не волнуйтесь, – успокоил меня Павел. – Все будет в полном порядке, и назад вас доставит мой шофер. А если захотите – сможете переночевать у нас. Места хватит. Хотя извините, я же забыл – вас ждет куча дел.

Про «кучу» он упомянул с явной издевкой. Он прекрасно понял, что меня никто и ничто не ждет. Впрочем, меня уже давно нигде не ждали. И я специально устраивался на ночную работу (как правило, это были рестораны и клубы), чтобы не возвращаться вечерами в пустую квартиру. Не открывать самому дверь. Не включать во всех комнатах свет. Не разогревать сковороду, бессмысленно наблюдая за лопающимися пузырьками вздувшейся трескучей яичницы. С тех пор как ушла моя жена, яичница стала для меня излюбленным завтраком, обедом и ужином. И не потому ли сейчас я согласился на катафалк и общение с совершенно чужими людьми в совершенно чужом доме. Чтобы и сегодня не видеть свои голые стены, насквозь пропитанные запахом запущенности, старых вещей, потрескавшейся мебели и пожелтевших газет… Запахом одиночества и отчаяния вперемежку с вечно подгорающей яичницей. И рыжий мальчишка Котька, и перефразированный Экзюпери – всего лишь жалкая отговорка. Желание хоть на один день зацепиться за чужую жизнь, чтобы просто, как неумелые футболисты, потянуть время. Время, которое давно работало против меня.

И, словно извиняясь за свой эгоизм, я потрепал Котьку по рыжему загривку. Он даже не шелохнулся. Он вновь смотрел вдаль проносящегося мимо леса совершенно отсутствующим взглядом, никого не замечая вокруг. Будто не желая существовать во времени и пространстве. И мне на миг показалось, что мы с ним удивительно похожи...

Моя жена Лерка ушла от меня пять лет назад... То был самый трудный период в моей жизни. И не потому, что сегодняшний легче. Ничего, по сути, не изменилось, разве что время помчалось еще быстрее. И со скоростью его утекания в геометрической прогрессии увеличивалось количество неудач и размеры отчаяния. Но к сегодняшнему существованию я привык. Даже не то, чтобы привык, просто понял – деваться некуда. И в конце концов с этим пониманием обрел хотя бы относительный покой и какое-то тупое смирение. Тогда же, пять лет назад... Когда ушла моя жена Лерка, я долго не мог смириться. И мне казалось, что я единственный на свете неудачник и мне единственному на всем белом свете не везет... Теперь я так уже не думаю. Теперь думаю, что я – один из многих. И эти многие – далеко не самые худшие в нашем мире. Просто они не приняли его. И не согласились с ним.

Моя жена Лерка, чертовски хорошенькая и чертовски бездарная. Куколка со стандартной фигурой топ-модели и длинным язычком, который за пару минут успевал сообщить цены на все модные тряпки, обмыть косточки всем подружкам и полить грязью всех недругов. Она с детства мечтала стать кинозвездой, с отрочества вертелась в «золотой» тусовке и с юности лезла ко всем знаменитостям. До сих пор не могу понять, как на ее удоочку попался я сам? Она была настолько реальна, заземлена и практична, что порой хотелось улететь от нее в космос. Или на крайний случай – стать отшельником.

И все-таки я бы покривил душой, сказав, что мне с ней всегда было плохо. Несмотря на свое рациональное мышление, она умудрялась украшать мою жизнь. Скорее всего потому, что подобным мышлением я не обладал. Она умела здорово веселиться и здорово целоваться. Манила к себе тоненьkim пальчиком с накрашенным ноготком, и я забывал обо всем на свете. И всегда знал, что она меня бросит. Знаменитостью я не был. А стать звездой она не могла. Тем более со мной. Потому что я всегда знал, что она бездарна. Что, пожалуй, знала и она сама, хотя ее это не так уж сильно и волновало. Она была уверена, как и многие ей подобные, что талант далеко не залог успеха. Лерка знала, что все равно спокойно сможет забраться если не на самую верхушку Олимпа, то уж до середины этой вожделенной горы наверняка доберется. Зацепившись на каком-нибудь жалком ее пригорочке. Но для начала пути почему-то выбрала меня. И ошиблась. И никогда не могла мне простить собственную ошибку...

Мы познакомились с ней, когда я еще практиковал в центральной невралгической клинике. Ее доставили к нам с диагнозом острой депрессии, сопровождающейся приступами истерии. В медицинской карте было записано, что она работает моделью какого-то дома моды. На следующее утро я зашел навестить новую пациентку. После уколов она была еще слаба и бледна, а белокурые кудряшки волос слиплись от пота в путанные жгутики. И по началу я даже поверил в ее болезнь. Хотя у меня не поворачивался язык назвать депрессию болезнью, поскольку как профессиональный психиатр на своем веку я повидал многих по-настоящему больных людей. А депрессию всегда считал непозволительной роскошью всяких бездельников. Но, глядя на это белокурое бледное существо с ангельским лицом, я даже растрогался.

– И что же, девушка, у нас приключилось? Вас, наверное, бросил какой-нибудь негодяй? – предположил я, поскольку подобное развитие событий явно напрашивалось.

– Нет, – еле слышно вздохнула Лерка. – Просто... Я сама даже не знаю... Что-то мучает меня, какая-то необъяснимая тоска, какие-то мрачные мысли гнетут...

Я с подозрением взглянул на Лерку. Что угодно, но только не «какая-то необъяснимая тоска» и не «мрачные мысли». Фразы явно заученные или где-то подслушанные. И я подумал, что она еще та штучка.

– Вот что, девушка, зайдите ко мне на прием через часика два, после обхода. Идет? Или вы очень слабы?

– Да, конечно... Слаба... – она устало провела ладонью по вспотевшему лбу. Неумелым заученным жестом. А я подумал, что она может стать кем угодно, но то, что Бог не дал ей наверняка – так это актерского таланта.

– Да, слаба... Но к вам... Конечно... Смогу зайти, доктор, – и в ее взгляде проскользнул огонек любопытства. Она вдруг увидела во мне не просто доктора, что мне весьма польстило.

Спустя два часа я ждал ее в своем кабинете. Почему-то тщательно причесался и даже принял деловой вид, склонившись над бумагами. Она робко постучалась и неуверенно зашла в кабинет.

– А... Это вы, – озабоченно протянул я, словно начисто забыл о назначенному визите.

Она присела на стул, прямо напротив меня, чтобы можно было хорошенъко разглядеть ее вблизи. На ней был коротенький махровый халатик. Лицо умело накрашено. Волосы уложены в аккуратненькую причесочку. Пожалуй, она начисто забыла, что ужасно больна.

– Вы очень предусмотрительны, девушка. И, несмотря на приступы истерии, не забыли прихватить в клинику косметичку.

Она обиженно надула пухлые губки, бросив на меня гневный взгляд.

– Ну, как доктор, вы должны понимать, что депрессия не обязательно заканчивается истерикой с битьем головой о стену.

– Не обязательно, – согласился я. – Но, поверьте, я повидал многих людей с подавленной психикой. Первое проявление чего – в полном отсутствии интереса к своему внешнему виду. Как правило, таким людям безразлично, как они выглядят. Они неделями не моют волосы, не стригут ногти, не гладят свою одежду и так далее.

Лерка пожала плечами. И язвительно ответила.

– Спасибо за консультацию. Я это учту в следующий раз. И перед тем как попасть к вам на прием, сотворю из себя чучело.

– Думаю, следующего раза не будет. Вы совсем не больны. И хватит разыгрывать комедию. А если вы захотели просто повалиться в постели, то достаточно санатория. Я же не собираюсь тратить на вас время, даже если вы сюда попали по знакомству.

– Ну, что ж, – Лерка резко поднялась. – Для меня и одного дня достаточно.

– Достаточно для чего? – удивился я.

– Для того, чтобы произвести маленький фурор среди своих, – откровенно призналась она. – Вы разве не слышали, доктор, что все творческие натуры время от времени впадают в глубочайшую депрессию. А, если при этом они еще и попадают в больницу... То им цены нет.

– Так вы пытаетесь утвердить свой статус в богемной среде?! Тогда, думаю, всего этого будет недостаточно. Я где-то слышал, что для подобного утверждения нужен еще такой пустячок, как талант.

– А если его нет, доктор?

– Мне нравится ваша откровенность.

– А если его нет, доктор, то поначалу необходимо приобрести все сопутствующее таланту. А потом для многих уже станет неважно – есть он, талант, или нет. Но вам этого не понять. Вы из другого мира. Вам нравиться лечить психику, нам – ее нарушать...

Мне уже порядком надоела бессмысленная болтовня, и я указал ей на дверь, уже без притворства уткнувшись в бумаги.

– Завтра утром вас выпишут. К сожалению, формально вы еще должны пробыть здесь сутки.

Но Лерка даром времени не теряла. Она уже не пыталась притворяться психически неуравновешенной больной, а напротив, с расчетливой деловитостью стала наводить обо мне справки. Не знаю почему она проявила такой интерес ко мне. Но интуиция ее не подвела. Уже

к вечеру она узнала, что я пишу музыку, что несколько моих пьес для фортепиано транслировало радио, что меня пригласили учиться в консерватории, а в кругу музыкантов я слыву подающим большие надежды композитором.

Моя медсестра Зиночка, строгая незамужняя дама, пуританка и злючка, в бешенстве ворвалась в мой кабинет.

– Ну и девка! Боже мой, – громко возмущалась она. Она так хлопнула по столу медицинскими картами, что мой стетоскоп нервно подпрыгнул. – И как таких только земля носит! Кирилл Степанович, ну, сделайте что-нибудь! Это просто возмутительно! Не хочу я сегодня дежурить. Не хочу наблюдать, как наша больница, показательная во всех отношениях, превращается в вертеп... Вы положили ее в клинику?

Последний вопрос она произнесла, расплывшись в мерзкой ироничной ухмылочке.

– Вы можете спокойно объяснить, что случилось?

– Не собираюсь я быть спокойной, когда твориться такое! Эта девка... С четвертой палаты... Она... Она... Вначале подняла на дыбы всю ординаторскую! А там молодые ребята, студенты! Я заглянула, а там стоит такой хохот... И она... В своем халатике... Одни коленки торчат... Эта девка... Тыфу! Им какие-то байки травит из жизни этих продажных моделей.

– Ну и что, все? – я перевел дух. – Я думал... Вы так начали про халатик. Я уж и впрямь испугался.

– Вам этого мало?! Ну да... Недаром она про вас тут все выспрашивала. Я давно подозревала, что у вас испорченный вкус.

– Ну, Зиночка, – я улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку. – Рассказывать байки студентам, которые нуждаются в отдыхе после дежурства – не вижу в этом ничего дурного. Ребятки совсем молоды, проходят практику. Им нравятся девушки – ну и что?

– Ах, ну и что?! – Зиночка подперла руками свои крепкие бедра и угрожающе посмотрела на меня. – Но это еще не все, уважаемый Кирилл Степанович. Она и больных на уши подняла! И это в невралгии! Люди, можно сказать больны, хоть вы так не считаете (не преминула вновь съязвить она). Но тем не менее... Здесь находятся глубоко несчастные люди. кто-то потерял близких, кто-то пережил шок после катастрофы, у кого-то ушла жена... Да что мне вам рассказывать! А она... Вместо того чтобы дать им успокоиться, она им распевает какие-то дешевые песенки и пританцовывает, изображая из себя Мерлин Монро. И они ей еще аплодируют! И даже хоочут! Бред какой-то... И это в отделении, где основное – покой.

Я еле сдерживал смех. Ну и девочка – Лерочка!

– Хорошо бы посмотреть на такое представление, – попытался я остудить пыл медсестры. – Может, это не так уж и плохо, если больные, пережившие стресс и пребывающие в депрессии, вдруг начинают смеяться. Наверное, это шаг к выздоровлению?

Зиночка от возмущения задохнулась.

– Кирилл Степанович! Ну... Я давно подозревала, что чрезмерное увлечение музыкой вас к добру не приведет. Музыканты народ известный!

И она, махнув рукой и еще раз демонстративно хлопнув по столу медкартами, решительно вылетела из кабинета. Мой стетоскоп не выдержал и покатился к краю стола. «Не иначе, как пошла жаловаться главврачу», – подумал я с тоской. Впрочем, это было уже не впервые.

Зиночка не любила меня совершенно искренне. Ее не устраивало мое слишком легкое отношение к нервным расстройствам многих пациентов, которые я принимал не за болезни, а за временное недомогание и поэтому старался поддерживать эту мысль в своих больных. Мне всегда казалось, что так человек быстрее вернется к нормальной жизни. Ко всему прочему Зиночку не устраивало мое легкое отношение к девушкам, к тому, что я так и не обзавелся семьей, к моему беспрерывно звонившему телефону. Зиночка считала совершенно непозволительным превращать врачебный кабинет в место свиданий. И, наконец, Зиночку окончательно вывело то, что я внезапно решил заделаться композитором. Последнее она вообще сочла за

символ моего окончательного падения. И поэтому каждый раз искала удобный случай пожаловаться главному. Однако все ее попытки были тщетны. С главврачом мы учились на одном курсе. И он всегда высоко ценил мои способности, сам обожал симпатичных девушек, хотя и был женат, и с глубоким уважением относился к классической музыке.

Ай да Лерка! Мне она уже начинала нравиться. И я отправился в палату, чтобы во всем воочию убедится самому. К тому же наступило послеобеденное время тихого часа и мне надлежало проследить, чтобы этот час был действительно тихим.

На удивление палата пребывала в глубоком покое. Кроме Лерки там находились еще две женщины. Одна старушка, которую я уложил в больницу из чувства жалости, хотя в лечении она тоже не нуждалась. Она жила совсем одна, получала маленькую пенсию, хотя была ветераном войны, и была моей давней пациенткой. И я знал про ее жизнь все. Или почти все. Ее дети умерли еще в 42-м во время ленинградской блокады. Их хоронили соседи, потому что женщина вслед за мужем ушла на фронт. Они оба уцелели в той мясорубке. И прожили бок о бок всю жизнь. Женщина пережила многое, но никогда не роптала на судьбу. И что такое депрессия никогда не знала, не понимая вообще смысла этой болезни. Для нее это было чужеродным понятием. И она не раз говорила мне, что депрессия – просто горе. Я пытался убедить в том, что ее болезнь несет другую, более глубинную опасность. Но она и слушать не хотела, говоря, что кроме горя других печалей не бывает... И вот недавно ее вновь настигло это самое горе. Умер муж.

Они давно готовились к смерти. Но такой исход она принять не смогла. Ее муж умер, попав под машину. Она плакала у меня в кабинете и все твердила, что старик прошел всю войну, а значит не мог умереть в мирное время, переходя улицу на зеленый свет и соблюдая все правила уличного движения.

Меня настолько тронула ее история, что я решил все проверить. Оказалось, что какой-то пьяный негодяй летел по проспекту с такой скоростью, что, наверняка, зашкаливал спидометр. И на красный свет, а тем более на невзрачного старичка, переходящего дорогу, просто не обратил внимания. Просто не заметил такой мелочи. И хотя он сразу же «смотал удочки», его все-таки нашли. Но эта сволочь смогла откупиться.

В милиецком отчете я обнаружил официальную врачебную справку о том, что старик страдал сильной близорукостью. Я попытался доказать обратное. Например, что еще во время войны погибший носил «плюсовые» очки. Но сей факт никого не волновал, учитывая что доказательств тому уже просто не было. И я, для очистки совести посетив еще парочку милиецких кабинетов, так и остался ни с чем... Тогда я и стал понимать, что зарождалась новая проплойка коррупционеров, усвоивших, что все позволено. Даже то, что запрещено.

Так к женщине пришло горе. Которое не называлось депрессией. И прекрасно понимая, что старушке нельзя оставаться одной, пусть даже на некоторое время я сумел устроить ее в нашу клинику. Что я мог еще предложить ей кроме больничной койки? Где во всяком случае она могла пообщаться с людьми, сытно покушать и, может быть, выпастися. Я прекрасно знал, что это всего лишь оттяжка по времени, что всю жизнь я не смогу ее держать здесь. Но что еще я мог для нее сделать?..

Со второй соседкой по палате было проще. У нее на самом деле была глубокая депрессия. Не очень молодую и не очень красивую учительницу с двумя детьми бросил муж (типичная причина), променяв ее на очень молоденькую и очень хорошенькую секретаршу. К этому женщина была совершенно не готова. Давным-давно она, молоденькая учительница пожалела его, запутавшегося в жизни и отсидевшего срок бездельника, подобрала, накормила и обогрела. Теперь же, с внезапно появившимися нечистыми деньжищами, тот бросил ее и купил себе другую... Что ж, жалость в наше время обходится дорого. И как правило, не прощается.

Трех женщин (третья была Лерка) – разных судеб и разного возраста – я застал неподвижно лежащими на кровати. И вначале даже встревожился, потому что они никак не отре-

агировали на мое обычное приветствие. И только Лерка немного подняла голову, поднесла палец к губам, а потом показала на часы.

Я приблизился к ним и только тогда заметил на их лицах маски. Из арбуза. Ну, и Лерка! Наверняка, ее рук дело. Убедить старушку и учительницу делать фруктовые маски в труднейшие дни их жизни! Просто так, словно ничего не случилось, словно и жизнь для них не остановилась. Это не каждый сможет. Это могла только Лерка.

Я не стал им мешать и вышел в коридор. Там беседовали двое больных, вполголоса расхваливающие Лерку, но заметив меня, они смутились и бросились по палатам.

К Лерке я заглянул позже. Мои пациентки уже сидели на кроватях, что-то оживленно обсуждая. По-моему, Лерка рассказывала, как правильно делать макияж.

– Ну, девушки, вы на глазах похорошели! – широко улыбнулся я.

– Вы уж нас извините, – покраснела учительница. – Просто Лера сказала, что нельзя шевелиться.

– Первый раз такой ерундой занимаюсь! За такое мой стариk выгнал бы из дома, – маxнула рукой старушка. Впервые она вспомнила своего старика без слез, очень просто, словно наконец-то поняла, что он все равно всегда будет с ней рядом. И заметила. – А все равно интересно. Хоть в конце жизни попробовать на лице такую ерунду.

Я подумал, что чаще всего именно такая ерунда, какой-то незначительный пустяк, какая-то несущественная мелочь, и выводит людей из длинного темного тоннеля депрессии. Заставляя забыть трагедию и зачастую возвращая к жизни. И я взглянул на Лерку.

Она сидела передо мной, белокурая и румянная, в коротеньком маxровом халатике. В ней было очень много жизни. Большой, открытой жизни, не осложненной неясностями и тайными помыслами. В которой одна за другой меняется погода. Времена года. Где в июле расцветают луга, а в октябре осыпаются листья. Где в далекие края улетают осенюю птицы, а весной возвращаются домой... И мне вдруг так захотелось прижать Лерку к своей груди. Чтобы хоть на миг почувствовать вкус простой, реальной, настоящей жизни. Чтобы клубок надуманных и ненадуманных проблем, который я свил за всю свою жизнь, наконец-то начал распутываться, складываясь в одну длинную прямую дорогу. По которой мне суждено идти. Может быть, с Леркой?

По-моему, именно в тот миг я решил, что непременно на ней женюсь. И только позднее узнал, что такое решение первым принял не я. А она, что я захотел жениться только благодаря ей. Благодаря умело сплетенной паутине, которую она искусно подготовила для меня... И кто сказал, что все серьезные решения принимают мужчины? Они всего лишь произносят вслух слова, которые им умело подбрасывают женщины.

– Вас завтра выписывают, – обратился я к Лерке. И уже немного замялся, словно сделал что-то предосудительное. – Да. И зайдите ко мне на прием, чтобы я смог убедиться в вашем выздоровлении.

– Плохо, что выгоняете девчонку, – вздохнула старушка. – Тоскливо без нее будет. Жаль, старику не могу про нее рассказать... И кому мне теперь рассказывать?..

– М-да, – протянула учительница. Взглянула в окно, за которым накрапывал мелкий дождь. И сказала куда-то вдаль. Самой себе, не замечая нас. – Совсем скоро осень. Моим в школу. Столько еще купить нужно будет. Тетрадки, учебники... А зачем?

Они вновь погружались в свое горе. У маски из спелого арбуза оказалась слишком кратковременное действие. И я впервые подумал, насколько в нашем деле важны люди. Не просто их профессионализм и умение поставить правильный диагноз. Важно их отношение к жизни. И чем больше они открыты жизни, тем быстрее помогут вернуться к ней и своим пациентом. Я впервые подумал: что (черт побери!) здесь делает сухая, бездушная Зиночка, несмотря на всю ее высокую квалификацию?! И, черт побери, что здесь делаю я?! Вечно сомневающийся, задающий себе нелепые вопросы и не пытающийся даже отыскать на них верные ответы.

— Так, все! — хлопнула по своим острым голым коленкам Лерка. — Подумаешь, осень! Подумаешь, школа! Кстати, я сейчас вам такое расскажу про школу… Как я ловко прогуливала уроки…

Она встрепенулась, взглянув на учительницу.

— Ой, извините, вы кажется учительница?

Та в ответ лишь тепло улыбнулась. И почти умоляюще попросила, пытаясь зацепиться за соломинку Леркиного рассказа:

— Ничего, Лера, рассказывайте. Прошу вас.

— Мы тебя просим, — поддержала ее старушка…

Ближе к вечеру мы с Леркой уже сидели в моем кабинете и пили приготовленный Зиночкой кофе. Если бы она узнала, что готовит кофе не только для меня, то наверняка бы подсыпала туда мышьяк. Но Зиночку я предусмотрительно отправил в конференц-зал — читать актуальную для больных лекцию «Самый верный путь к выздоровлению». И хотя она глядела на меня весьма подозрительно, отказаться от лекции не могла по субординации. Тем более, что именно она придумала этот лекторий, который приносил ей самой огромное удовольствие, — как научить других не просто умению выздоравливать, но и умению жить.

— Так вот, Лера, может, я покажусь тебе сумасшедшим идиотом, может, безнадежным романтиком, но я хочу предложить тебе работать в нашей клинике. Параллельно ты сможешь учиться в медицинском… У тебя дар, Лера. Дар лечить души.

Лерка очень долго хохотала. А я молча смотрел на нее. Все больше убеждаясь, что действительно — идиот. Лерка мечтала быть только кинозвездой. Не больше и не меньше. Время выбора профессии по призванию давно миновало. Время врачевать души давно прошло.

— Единственное, что могу предложить в ответ — оставаться здесь еще на пару деньков, — наконец сказала она. — Тем более, что мне это пойдет только на пользу.

— На пользу имиджу, — поправил я.

— Называйте, как хотите. Но в любом случае, своих пациентов, — произнесла она нарочито громко, — да, своих пациентов из четвертой палаты за эти дни я поставил на ноги. Ручаюсь. Кстати, чем вы здесь занимаетесь?

— Не надо дерзить.

— Пусть. Но это лучше, чем тупая самоуверенность. Разве не вы меня еще утром с треском выгнали из кабинета. И разве не вы к вечеру просите меня оставаться? Не загадывайте более чем на сорок пять минут вперед.

— Почему именно сорок пять? Что за время «Ч»?

— Вечный закон жизни, который я сама вывела еще в школе. Сорок пять минут — урок. И только после урока все может перемениться — или к лучшему, или к худшему… Так что советую, если захотите принять решение, повремените еще сорок пять минут и тогда уже принимайте.

— Спасибо за совет, Лера.

Как ни странно, Леркиным советом я потом частенько пользовался по жизни. И как ни странно, он помогал. Вообще, Лерка, несмотря на всю ветреность и поверхностность, частенько давала мудрые советы. Впрочем, с годами я убеждался, что слишком умных и слишком серьезных людей нужно слушать в полу ха. У них, как правило, есть несколько слоев потаенных мыслей, из которых не всегда появляются нужные и полезные.

Мы поженились зимой. В сильный трескучий мороз. Лерка была похожа на хорошенькую Снегурочку. Стойная, в белоснежном платье, волосы и ресницы покрыты серебристым инеем. Я так боялся, что она вдруг растает… Она много и заразительно смеялась. И, наверное, была счастлива. Впрочем, как, наверное, и я. Жизнь тогда еще легко разбрасывалась надеждами и подарками. Я был студентом консерватории, много сочинял, мою музыку признали. Но тогда

еще мы не могли знать, что время начнет работать против нас, исчезая в два раза быстрее обычного. И мчаться так, что невозможно было удержаться в седле и сохранить безвозмездные подарки судьбы...

Серьезная музыка постепенно становилась ненужной, обесцененной и лишней. Я все чаще впадал в отчаяние. Лерка все чаще была неверной, злобной и глупой...

Она ушла от меня тоже зимой... Как-то в белой длинной шубе, со сверкающим ненавистью взглядом, она встретила меня на пороге с огромным чемоданом. Напоминая уже не Снегурочку, а Снежную королеву. И я уже не боялся, что она растает. Такие, как она, просто не исчезают и просто не сдаются. Такие, как она, разворачивают судьбу лицом к себе, даже если та и не хочет. Впрочем, к таким, как она, нынешнее время само раскрывает объятия.

– Да, Кирилл, так будет лучше, – она затягивала наше расставание. И мне было невыносимо больно. Мне хотелось, чтобы она поскорее убралась. Но Лерка непременно нуждалась в театральных сценах. И упустить подобный шанс, разыграв обманутую в лучших надеждах жену, было выше ее сил.

– Почему ты молчишь? Ты ничего не хочешь мне сказать?

Я скользнул по ней равнодушным взглядом. Хотя мое сердце бешено колотилось.

– А что... Нужно что-то сказать?

– О, Боже! – она заломила руки в белых кожаных перчатках. – И кто посмеет упрекнуть, что я ухожу! Ты посмотри на себя! Только посмотри! Вялый, ни на что не способный человек! Что ты мне дал в жизни?! Что?! Я чуть было не загубила свою карьеру из-за тебя! Ты даже не хотел меня знакомить с нужными людьми! Все пришлось делать самой! Абсолютно все!

Лерка умела перевернуть любую ситуацию в свою пользу. Она прекрасно понимала, что бросает меня в самый трудный период. Когда я потерял работу. А мои музыкальные опусы уже никто не принимал. И сейчас она просто добивала меня своим уходом, оставляя в полном одиночестве. Разбитым, опустошенным, неуверенным в себе, все чаще заглядывающим в рюмку. Лерке же непременно нужно было убедить себя в обратном. И ей это удавалось.

– Хорошо, – равнодушно ответил я. – Будем считать, что во всем виноват я. Так будет лучше.

У меня не было сил для борьбы. Тем более, я не хотел бороться с женщиной, кем бы она ни была.

– Ну, вот! – почти истерично выкрикнул Лерка.

Ей непременно хотелось, чтобы я обвинял. Тогда бы она смогла по-настоящему защищаться. И выглядеть несчастной жертвой. Но такого шанса я ей не предоставил.

– О, Боже! Боже! – продолжала она с тем же запалом. – Тоже мне благородство! Ты даже... Тебе даже абсолютно все равно, что я ухожу! Тебе всегда было все равно, чем я занимаюсь. Мои мысли, чувства тебя совершенно не волновали!

А были ли у тебя мысли и чувства, хотел спросить я, но вовремя удержался. Пусть высказывается одна. Я примирился с этой неизбежностью.

– Ты... Ты даже мне смел утверждать, что я бездарна! И ни на что не способна! И мое единственное место в этой жизни – быть медсестрой для твоих получокнутых! Но нет! Тебе не удалось из меня сделать посмешище! И я... Я тебе докажу, на что я способна!

– Зачем, Лера? Зачем тебе нужно, что-либо мне доказывать. Я и так верю, что услышу про тебя совсем скоро. Ты непременно своего добьешься.

Лерка на секунду смешалась, соображая – издеваюсь ли я над ней или говорю серьезно. Но так и не поняла.

– Ну вот, – уже спокойнее протянула она. – Конечно, добьюсь... Но и ты... Я хочу тебе посоветовать не заниматься больше этой ерундой. Твоя музыка никому не нужна. Разве что этим древним старушкам, которые сто лет назад почему-то решили, что настоящая музыка

должна быть только такой. Глупости все! То, что сочинили Моцарт с Бахом и им подобные, хватит еще на десять веков. А тебе нужно жить...

– Не трогай мою музыку, Лера, – вяло ответил я.

У меня уже не было сил защищать даже свою музыку. И я говорил скорее по инерции. Лерка пожала плечами и уткнулась в воротничок беленькой шубки. Исподлобья сверкнув на меня глазками. И мне на миг показалось, что она хочет мне понравиться. И ждет слов любви, слов о моих разбитых надеждах и невозможности жить без нее.

– Так ты ничего не хочешь мне сказать на прощание, Кирилл?

– Ну, разве, как врач пациенту – не болей.

– Словно мы и не прожили вместе пять лет...

Нам еще не хватало воспоминаний.

– Иди, Лера, тебе пора. Тебя ждут.

– И ты даже не ревнуешь? – Лерка надула свои пухлые губки. – Он кстати и красив, и знаменит.

– Вот ты сама и ответила. Разве я могу состязаться с совершенством.

– О, боже, ты даже проститься не умеешь. И не хочешь говорить серьезно... Что меня всегда бесило!

– Теперь уже не будет. Я за тебя спокоен.

Мне надоел дурацкий разговор. И затянувшееся прощание. И неизбежный разрыв. Лерка была еще рядом и мне от этого было все еще больно. И я грубо подтолкнул ее к двери.

– Все, иди, Лера. Мне еще нужно будет поработать.

Пожалуй, такого Лерка не могла вынести. Такого тупого равнодушия. Ей, наверняка, казалось, что в день нашего прощания я буду биться головой об стену. Рыдать или в крайнем случае сидеть, оцепенев в шоке. Что угодно, но только не заниматься обычным повседневным делом. Обычным повседневным делом она давно уже считала мою музыку.

Но такой радости я ей не доставил. Тем более, что подобные сцены я не раз наблюдал в своей клинике и повторять их для себя, хотя и бывшего, но все же врача, было бы по крайней мере глупо. Но Лерка с этим никак не могла смириться. И использовала свой последний шанс. Она медленно повернула ко мне свое лицо. И в ее больших глазах я увидел слезы и подобие страдания.

– Да, Кирилл... Я хочу, чтобы ты знал... Я ведь тебя еще люблю.

И поспешно, но очень страстно поцеловав меня в губы, выскочила за порог, театрально хлопнув на прощание дверьми.

Пожалуй, последняя сцена ей все-таки удалась, чего я не мог не признать. На моих губах горел ее страстный поцелуй, обжигающий лицо. А ее прощальные слова остро резанули по сердцу. Лерка не хотела меня отпускать. Она не хотела оставить мне шанс жить без нее. Она заставляла постоянно чувствовать ее, жалеть о потере и надеяться на возвращение. И все же ее победа была недолгой. Хотя я был готов, как и мои пациенты, биться головой о стену и рыдать взахлеб, но все же сумел справиться и привести мысли в порядок. Продолжать любить Лерку в том безысходном положении, в котором я очутился, было непозволительной роскошью. Нужно было думать, как жить дальше... Та Лерка, которую я когда-то любил, ушла в прошлое. Настоящая же Лерка уехала со своей знаменитостью искать счастье за океан, словно там этого счастья было навалом. И оно непременно хотелось, чтобы им в безразмерных количествах воспользовалась моя бывшая жена...

Я уже давно перестал тосковать о Лерке. И сейчас же, мчась в ненавистном катафалке, бок о бок с чужими людьми, вспомнил ее просто из-за вновь накатившего одиночества. Которое, впрочем, навеки поселилось в моей маленькой квартирке. И к которому сегодня, впрочем, как и вчера, и позавчера, мне не хотелось возвращаться. Потому я просто уцепился за

жалкую возможность провести вечер в чужом и абсолютно безразличном мне доме. Впрочем, я быстро убедился, что этот чужой дом не мог оставить равнодушным даже меня. Уж очень он был хорош.

Дом высился на самом краю дорогого коттеджного рая. Почти в лесу. Выйдя из машины, я с жадностью вдохнул свежий сосновый воздух, вкус которого уже успел позабыть за последние годы, безвылазно прожитые в столичной истерии сменяющихся один за одним дней. В сумасшедшем ритме попыток найти свое место, постоянно заканчивающихся провалом. Каждый день довольствуясь городской пылью, ревом сирен и скрежетом шин. Вот почему как завороженный я стоял посреди стройных мудрых деревьев, под чистым спокойным небом и слушал щебет лесных птиц. И не мог понять, что же я столько лет делал в городе?! И почему не нашел времени сбежать от него туда, где еще оставалась единственная возможность жить правильно. Наверное, я всегда подсознательно чувствовал, что придется вернуться. Возвращаться всегда гораздо больнее...

Едва мы поравнялись с огромной неприступной оградой, мои мысли перебил громкий лай собаки.

– Ничего, она привязана, – поспешил успокоить меня Павел, пропуская вперед.

Едва я переступил порог, все мое внимание сосредоточилось исключительно на собаке. Насколько псина была красива, настолько и свирепа. Казалось, еще секунда – она сорвется с цепи и с удовольствием меня слопает. Этакая смесь бульдога, носорога и тигра, с редким паленым окрасом, слишком большой головой и острыми зубками, готовыми в любую секунду вцепиться в горло.

– Милый песик, – бодро заметил я.

Павел принял мое замечание за чистую монету. И за пару секунд, пока мы шли к дому по асфальтированной дорожке, обсаженной карликовыми деревьями, он сумел изложить всю информацию о четвероногом друге. Я узнал, что собачка стоит «всего» пару тысяч баксов, что это редкая порода фила бразилейро и, естественно, является любимицей всех бразильцев, и что иметь в доме такого пса весьма престижно.

– Представляешь, Кирилл, – радостно сообщал мне Павел, – в Англии они вообще запрещены. А в других странах для их приобретения необходима лицензия. Как на оружие. Уж очень свирепы эти животные. И могут запросто убить непрошшеного гостя. Зато очень надежны. Как любят говорить бразильцы, «верный, как Фила».

– А у нас, конечно, все наоборот. В нашей стране никаких лицензий не надо, все, как в свободной стране, разрешено, – съехидничал я.

– Ну, к твоему сведению и европейцы, и американцы, конечно, очень богатые, с удовольствием заводят этих псов. Никакой самый надежный замок, никакая охрана и сигнализация не заменит их, – проигнорировал он мое замечание.

Наверное, парню и впрямь есть, что охранять, раз не поскупился на подобного сторожа. Я ничего не имел против животных, тем более собак. Но меня шокировало, когда их превращали в некий неодушевленный объект купли-продажи, делая вещью, к которой неизбежно питать чувство симпатии или жалости, а просто ценить ее по «замочным» качествам. И для меня они уже не были просто частью природы, нашими «братьями меньшими», а какими-то роботами. Хотя сами собаки в этом были меньше всего виноваты.

– У нее имя хоть есть? – поинтересовался я, питая слабую надежду, что с именем она приобретет для меня подобие некого живого существа, а не компьютерной системы.

– Конечно. А как же... Его зовут Сталлоне. В честь моего любимого Сильвестра.

Ну, конечно же! Бобик или Шарик – как-то мелковато. Так я и думал. Что ж, погладить ее по загривку и почесать за ушами, сказал: «Дай, Джим, на счастье лапу мне», так и не придется. Она была просто крепким импортным замком, железной дверью, охраной и сигнализацией «в

одном флаконе». И не более. Единственное, на что в лучшем случае я мог рассчитывать, что она перестанет скалиться и мечтать, как бы мною отужинать.

Дом был огромный, просторный и светлый. Наполненный исключительно дорогими вещами, но отнюдь не вычурными, а напротив довольно простыми. Легкий хаос создавал атмосферу уюта и теплоты. И я даже удивился, что в нем нет обычного в таких случаях снобизма. Дом не давил на меня ни ценой, ни значимостью. Гостиная была обставлена в бледно-розовых тонах, словно там навеки поселилось утро. Кругом были разбросаны подушки, тут же стояло очень много ваз с полевыми ромашками, васильками и незабудками. Огромные окна слегка прикрывали такие же розовые занавески. А многочисленные деревянные полки и этажерки с книгами создавали иллюзию деревенского быта, слегка приправленного легким налетом интеллигентности.

Павел не вписывался в такой интерьер. Это был явно не его стиль. Такие, как он, едва добравшись до легких денег, стараются их вложить в нечто весомое, тяжелое, по-царски дорогое и не по-царски безвкусное. Хозяин тут же подтвердил мою мысль.

— Все моя жена, — как бы извиняясь, сказал он. — Если бы не я, она бы вообще довольствовалась книжками, парочкой кресел и обеденным столом. Хозяйка она не ахти какая, но от домработницы категорически отказалась. Решила, что управится сама. Но где уж ей. Вот и приходится мириться с хаосом вперемежку с жалкими попытками наведения порядка.

Павел взглянул на часы и присвистнул.

— Фу, леший, теперь благодаря ей и с ужином придется подождать. Где ее только черти носят! — о своей жене он говорил с заметным раздражением, но я не мог не почувствовать в его голосе плохо скрываемую нежность.

— Я, наверное, не кстати, — ради приличия сказал я. Уходить мне уже не хотелось.

— Да ну, брось ты! — махнул рукой Павел. — Сегодня наш праздник. Ты спас нашего сына, а такое не часто случается... Надеюсь, больше и не случиться.

Я бросил взгляд на Котьку, который все это время молчал, витая в своих потаенных мыслях.

— Ну, Котька, развлекай пока своего спасителя, а я пойду приму душ.

Котька покорно поплелся на второй этаж по лестнице, и я не менее покорно последовал за ним. Мне все равно где было убивать время.

— Моя комната.

Котька равнодушно обвел детскую печальным взглядом. И бухнулся на диван, приглашая присесть рядом. Я принял его приглашение и огляделся. Явно тот, кто устраивал детскую, собирался ее сделать самой веселой и беспечной комнатой в мире. Желтые стены, желтая мебель, желтые шторы. Словом солнышко в любое время года. И среди этой желтизны — процессия упитанных, совершенно дурацких нарисованных и вышитых белых уток. Гордо шествующих не только по обоям, но и по занавескам и покрывалам, останавливающим свой поход где-то посреди круглого ковра. «Слава, Богу, — подумал я, — еще не залазят на пианино.» Инструмент, кстати, несмотря на показное ребячество комнаты и на всю свою тяжеловесность, один выглядел естественным и даже живым в Котькиной комнате.

Тот, кто собирался создать здесь атмосферу веселья и безоблачного счастливого детства, явно просчитался. Котьке эта атмосфера была до лампочки. В его душе жила печаль. И, сегодня, чуть ли не угодив под колеса автомобиля, он наверняка меньше всего думал об пузатых уточках, заполонивших его комнату.

— Ну, ничего, приятель, — я ободряюще похлопал его по плечу. — Радуйся, что вместо уточек тебе не подсунули клоунов. Что было бы куда хуже. Знаешь, теперь для создания образа счастливого и богатого детства почему-то все чаще прибегают к услугам этих неестественных уродцев с мертвенно-бледными лицами и разукрашенными красными носами. Наверное, у них именно такие клоуны ассоциируются с детством.

Котька заметно оживился и понимающе посмотрел на меня.

– В самую точку, Кирилл. Папочка чуть было не заставил всю комнату такими типами. Я чуть с ума не сошел, увидев одного. Его заводишь – а он кривляется. Чем-то смерть напоминает.

– Смерть, – я невесело усмехнулся.

Котька был прав. Скорее не смерть, а мертвичину. Кривляется везде, пытаясь доказать, как все весело. Шутовской колпак, седые космы, напудренное лицо, ярко раскрашенные губы, нос, глаза, нелепые одежды. В видеороликах, на рекламных щитах, в видеоклипах... И это далеко не смешно. А если кто и смеется, то исключительно страшным смехом. От которого по телу – мурашки... Впрочем, сейчас мальчишке я сказал другое.

– Знаешь, тебе еще не обязательно думать о смерти. И не обязательно она бывает в шутовском колпаке. К тому же... Знаешь, раньше были совсем другие клоуны. И цирк когда-то был настоящим праздником.

– Правда? – Котька недоверчиво заглянул в мои глаза. – А я терпеть не могу цирк. Только из-за них.

– Я не знаю, какой теперь цирк, – я пожал плечами. – Но в любом случае то, что ты видишь по телику – это не клоуны. Это жалкая подделка. Для того, чтобы таким как ты привить уродливое понятие о смехе и радости. Настоящие клоуны совсем другие. Они добрые и действительно умеют смеяться. Помню в детстве мы при одном их виде от смеха сползали со стульев... Для того, чтобы быть настоящим клоуном, нужен особый талант. И особое, открытое сердце. Потому что шутовство – очень тонкое и почти опасное искусство. От комичной клоунады совсем недалеко до нешуточных ужасов. Ведь это маска. Достаточно пару штрихов на белом лице – и перед тобой уже не милый, обаятельный клоун, а чудовище в жуткой маске. Но ты, я вижу, хороший парень. И умеешь отличить добро от зла.

– Ты так думаешь? – спросил Котька с надеждой.

– Конечно. Поэтому не совершай такие глупости, как сегодня. Я не хочу лезть тебе в душу... Но в любом случае – это не выход. Знаешь, сколько раз меня жизнь загоняла в тупик?

– Сколько? – совсем по-детски спросил мальчик.

– Да разве упомнишь. Иногда мне кажется, что она вся прошла в одном большом тупике. И запомни. В отличие от тебя я совсем одинок. И тем не менее не впадаю в отчаяние. И глупостей делать не собираюсь.

Я откровенно лгал. Сколько раз я впадал в отчаяние, сколько раз собирался делать глупости, подобных сегодняшней Котькиной. Но, убеждая его в обратном и спасая его от неведомого отчаяния, мне стало казаться, что я пытаюсь спастись сам.

Я приблизился к пианино, открыл крышку, положил руки на клавиши, сделал глубокий вздох и взял первый аккорд. И мне вдруг стало удивительно спокойно. Как бывало тысячу раз, когда я садился за инструмент. Когда какое-то необъяснимое чувство поглощало меня целиком. И одиночество отступало. Казалось, навсегда. Разве может быть одиноким человек, у которого есть музыка, настоящая музыка, воображавшая в себя судьбы многих поколений, заявляющая о себе на всех языках мира и всегда говорящая на одном. Музыка, уносящаяся, расплывающаяся по всей Вселенной и принадлежащая лишь одной Земле. Музыка, не знающая оружия и кровопролитий. И всегда сама являющаяся оружием. И побеждающая в любой войне. Музыка... В которую много раз стреляли. И которая всегда вновь и вновь возрождалась из пепла. Единственное бессмертие, которое невозможно убить, сжечь и предать забвению. Потому что это душа... И я, в который раз садясь за рояль, чувствовал себя счастливым. И разве могло быть иначе. Ведь со мной была рядом музыка.

– Ничего себе, – удивился Котька. – Вы умеете играть.

– Почему ты удивлен? И почему решил, что я непременно бомж?

Котька смутился и ненароком взглянул на мои рваные кеды.

– Тем более, нечему удивляться, – ответил я на его мимолетный взгляд. – Или ты знаешь других музыкантов?

– Знаю, – почему-то вздохнул Котька. – Но уже не знаю, настоящие ли они... Ну, как клоуны... Но ты прав, мне кажется, я уже начинаю понимать...

Павел удивился не меньше Котьки, увидев меня за роялем, даже присвистнув. И тут же по деловому заявил.

– А вот это – приятная неожиданность. Наконец-то я смогу быть спокойным за Котика. А то он давно не в ладах с музыкальной грамотой. Сколько учителей не приглашали – все впustую. Так толком и не научился играть.

– Почему вы уверены, что от меня будет много толка?

Павел рассмеялся.

– Я ни в чем не уверен. Просто мне очень уж хочется вас отблагодарить.

Я попытался сделать протестующий жест, но он тут же его пресек. И поспешно добавил.

– К тому же, я понял, что вы нашли общий язык с моим сыном. Что уже большая редкость. У него почти нет друзей. Вы, кстати, давно занимаетесь музыкой?

Не знаю почему, но мне ужасно не хотелось говорить с ним о музыке. Она была настолько личной, сокровенной, что казалось любой разговор, тем более такой дежурный и вынужденный, будет и фальшью, и маленьkim предательством. Поэтому я ответил кратко. Только то, что необходимо знать работодателю.

– У меня консерваторское образование. Диплом предъявлю позднее, если понадобится.

– Ну зачем так официально! Я буду счастлив, если вы чему-нибудь научите моего оболтуса.

Павел все время пытался разрядить обстановку, но у него плохо получалось. К тому же он нервно поглядывал на часы, явно думая о другом.

– Я буду не менее счастлив, – вежливо ответил я.

Как бы сухо и сдержанно это не прозвучало, но я, действительно, был счастлив. Поначалу даже мне трудно было осознать такую удачу, внезапно свалившуюся на меня. Меньше всего в жизни я рассчитывал получить хорошую работу в ближайшее время и меньше всего в жизни ожидал, что когда-нибудь буду учителем. Тем более, что это куда лучше халтуры вочных клубах среди криминальных рож и пьяной похабщины. Каждый вечер наблюдать зажравшихся толстосумов, соривших деньгими, было выше моих сил. Правда, некоторые после подобных пирушек не просыпались, отчываясь уже на небесах за неправедные доходы. А некоторых я встречал по утрам в церкви, с опухшим лицом и дрожащими руками. Они держали свечу перед алтарем и что-то шептали пересохшими от жажды губами. А потом отстегивали круглененькую сумму для Боженьки и вечером вновь пировали с очищенной совестью. Именно после таких встреч я стал все реже бывать в церкви.

– Так вы может нам сыграете что-нибудь? – машинально попросил Павел, в очередной раз взглянув на часы.

Моя игра на пианино была ему так же нужна, как козлу само пианино. Слушать он ничего не собирался. Но выбора у меня не было, поскольку предстоял экзамен. И я механически отыграл парочку виртуозных этюдов Черни. Я давно заметил, чтобы произвести впечатление на непрофессионала, нужно начинать непременно с этюдов. Бешеная скорость, ловкое движение пальцев, резкий переход от форте к пиано... В общем, демонстрация обыкновенной техники, которой владеет любой музыкант, покоряет всегда. Так что я особенно не старался и умудрился даже сфальшивить в одном месте.

– Ну как? – я повернулся к Павлу, уже заранее зная ответ.

– Неплохо, – ответил он, словно что-то соображал в музыке. И после неловкой паузы, как бы невзначай, заметил. – Вот только в одном месте вместо соль диэз нужно было сыграть фа бемоль. Впрочем, возможно, такая маленькая неточность мне просто почудилась.

Он сразил меня наповал. Этот напыщенный индюк, без конца размышляющий о торговых операциях, что-либо кумекает в музыке?! Такого просто не может быть! И надо же было мне так опростоволоситься.

– В таком случае не понимаю, – я уже приобрел дар речи и спокойно спросил, – зачем вам нужен учитель музыки? Вы не меньше моего разбираетесь в ней.

– Ну, во первых, чтобы учить сына, нужен такой пустячок, как время. У меня же его просто нет. Во-вторых… Во-вторых, я гораздо меньше вашего разбираюсь, поверьте. У меня нет ни консерваторского образования, ни какого другого. Разве что полный курс музыкальной школы, которую я просто ненавидел. И этюд Черни… Это чистая случайность. Я играл его на выпускном экзамене. И настолько вырубил, насколько и ненавидел. Так что запомнил на всю жизнь. Даже если и захочу забыть – не смогу, как видите. Да и не так часто приходится блеснуть знаниями.

– Все-таки заметить такой промах, – я все еще сомневался.

– Не берите близко к сердцу. Мне нужен не просто учитель. Мне надо, чтобы мой сын принял этого учителя. Это гораздо важнее, чем перепутанные bemoli и diезы. К тому же есть надежда, что Котик полюбит музыку. У него к ней довольно скептическое отношение.

– Зачем? – я пожал плечами. – Заставлять сына заниматься, учитывая, что вы сами прошли через все это. Не самая приятная вещь, когда тебя заставляют заниматься тем, что ты ненавидишь.

– Вот именно потому, что сам прошел, я и хочу, чтобы Котик научился играть. Поверьте, не самое плохое в жизни знать вещи, которые могут и не пригодиться. Уровень образования!..

Он в который раз взглянул на часы. Наверное, нервничал, что его жены все еще нет.

– Ну, да ладно, – слишком весело и слишком громко предложил Павел. – Бог с ней (я так и не понял, с музыкой или женой). Мы сейчас хлопнем по рюмочке и обсудим вашу новую работенку. Идет?

Я с радостью согласился. В животе давно уже урчало, а от жары, которая даже к вечеру не спадала, ужасно хотелось пить.

Вскоре мы сидели в громадной кухне. Простая мебель из лозы. Большой круглый стол, покрытый льняной клетчатой скатертью. Такие же льняные клетчатые занавески. Большое окно выходило прямо в сад, густо засаженный деревьями и цветущими кустами. Я давно не чувствовал себя так хорошо, почти по-домашнему. После выпитой бутылки красного вина (именно оно, по мнению Павла, лучше всего утоляло жажду) я наконец-то смог расслабиться. И мрачные мысли, и чувство неуверенности впервые за долгое время оставили меня. Я невнимательно слушал Павла, продолжающего без умолку рассказывать об успехах своей фирмы, где он был хозяином и президентом, о его грандиозных планах, о будущем его сына. Я просто кивал и все время смотрел за окно, прислушиваясь к шепоту листьев, щебету птиц и дыханию легкого ветерка. И громкий, уверенный, почти настойчивый голос Павла только мешал мне.

– Ну, так вот, мне осталось какой-то месяц тянуть эту лямку, сам понимаешь, Кира, я непременно должен сделать все, чтобы сделка состоялась. И только тогда, через какой-нибудь жалкий месячишко мы всей семьей укатим на Средиземное море, к пальмам, кокосам и обезьянам, – хохотнул он. – Терпеть не могу обезьян. В жизни не поверю, что мы от них произошли. Хотя… Если по секрету, так было бы лучше. Понимаешь, как-то реальнее, ну, что ли обоснованнее. Конечно, сейчас такое говорить не принято, да я и регулярно посещаю церковь… У меня даже есть знакомый батюшка, к нему постоянно на исповедь похаживаю. И всем, чем могу, материально помогаю божьему делу… Но если честно… Знаешь, многие со мной соглашаются, хотя немногие признаются… Но как-то с обезьянами было бы проще. Ну, эволюция. Ну, совершенствование. Ну, развитие разума. Это понятно. И, если честно, не так страшно. А остальное… Если только задумаешься. Ужас… Если за все нужно платить. Обезьянам платить ничего не нужно. Я даже согласен, чтобы они были моими родственниками. Дальными. А тут…

Все-таки, думаю, Дарвин был не такой уж дурак. Он на какое-то время предоставил человеку внутреннюю свободу и дал возможность забыть о страхе. Дал возможность понять: все, что мы делаем в жизни – всего лишь результат наших усилий и не более. Призывал человека совершенствоваться по своей воле, что ли. Но ничего не получилось. По своей воле совершенствоваться никто не хочет. К совершенству человека может привести только страх. Вот почему сейчас все побежали в церковь.

Я пожал плечами и залпом выпил еще один бокал холодного красного вина.

– Ты хочешь сказать, что в религии – страх? – заметил я. – Что-то не похоже. По-моему, сейчас грехи совершаются с удвоенной силой и скоростью. И по своей сути еще более изощреннее и чудовищнее. Несмотря на религию.

– Да, но в религии есть место и прощению. Не на это ли делается ставка? Ты знаешь, скажу по секрету, мои друзья, ну… приятели, после каждого своего греха находят способ его «отмыть». И все им сходит с рук! Только не нужно утверждать, что до поры до времени. Этого знать мы не можем! Я могу привести тысячи примеров, когда до глубокой старости люди дожидали в роскоши и личном счастье. С та-а-аким камнем на сердце.

– Ну… В таком случае, мы вновь возвращаемся к Дарвину. И к родственной связи с гориллами.

– Не скажи. В жизни не просто так появилась религия, чего нельзя не принимать в расчет. Просто… Просто по-настоящему веруют немногие, но многие на всякий случай делают вид, что веруют. Нам ничего не дано предугадать… И знать.

– Я так понимаю, когда нужно совершить грех, вспоминаешь об обезьянах, когда нужно грех замолить – тут же взываешь к Боженьке. Неплохое сочетание. Первобытные инстинкты и духовная потребность. Опасное сочетание. Но многое объясняет.

Я бы не сказал, что вино было крепкое, но, видимо слишком старое, поэтому и ударило в голову. Мы порядком захмелели. И поэтому даже не обратили внимание на голоса в прихожей. Только когда открылась дверь кухни, мы резко повернули головы. И я увидел ее.

Ярко рыжие длинные волосы, россыпь веснушек на загорелом лице, сильно выступающие скулы, очень грустные зеленые глаза. И эти заостренные плечи. И эти худые босые ноги, перепачканные землей. И это простое, почти выцветшее платье… Такая деревенская девушка. Если бы она не была настолько схожа с Котькой, я бы в жизни не подумал, что это жена Павла. Что она хозяйка этого уютного и дорогущего дома, который охраняет свирепый пес, стоявший две тысячи баксов. Скорее, она напоминала пастушку.

Павел, этот уверенный красавчик с рекламного плаката, почему-то смущился. Мне показалось, он немного даже побаивается своей жены… Но первое впечатление оказалось обманчивым. Павел тут же бодренько предложил ей присоединиться к нам. Она равнодушно скользнула взглядом по моей персоне и молча уселась на стул. Прямо напротив. Мне показалось, что ее вообще ничего не интересовало. Ни то, что в ее доме незнакомое лицо. Ни то, что Павел не смог предложить ничего существенного гостю, кроме наспех приготовленного салата из крабов и парочки бутербродов с икрой (хотя я бы предпочел жареную картошку). Ни то, что мы празднуем. И, пожалуй, если бы Павел не представил меня, она даже не захотела узнать моего имени.

– И знаешь, как мы познакомились? – снова слишком бодро спросил Павел, хотя было видно, что и это ей все равно. – Совершенно случайно. Кирилл чуть было не угодил под мою машину.

От такой наглой лжи я даже выпучил глаза. Но Павел сделал мне знак, чтобы я молчал. Ну, и ладно. Понятно, что он не захотел рассказать о происшествии с сыном. Но с какой стати выставлять себя героем? Ко всему прочему он вдруг в подробностях стал рассказывать, как спас меня, при этом едва не угодив в аварию.

– Сама понимаешь, какой мы пережили стресс. И я не мог не познакомиться поближе с человеком, которого спас…

Ее звали Майя. Раньше я никогда не задумывался, насколько человеку может подходить его имя. И лишь сегодня понял, насколько оно может не подходить.

Мне нравился май. Время моих самых любимых праздников. Когда взрывами яркой зелени бушевала весна, и солнце было еще всего лишь подростком. В мае хотелось любить, играть слушаем и не думать о смерти. В мае хотелось жить. Сегодня передо мной сидела женщина, удивительно притягивающая какой-то особенной внутренней силой. И почти равнодушной красотой. Женщина с именем Майя. Волосы цвета осени, глаза от ушедшего лета, на лице застывшая зимняя печаль.

У нее должно быть какое угодно имя, но только не Майя.

Она так ничего и не спросила. Она вообще не проронила ни слова. Молча приготовила ужин. Не совсем удачный, зато привычный для меня. Все та же чуть подгоревшая яичница, разве что приправленная изысканными специями и соусом. И сама же эту яичницу, приготовленную на троих, съела. Ни Павел, ни я к ней так и не притронулись. Вообще, для хрупкой женщины она слишком много ела. И такой (почти мужской) аппетит не гармонировал с ее фигурой и изысканностью. Я углядел в этом что-то неестественное, почти болезненное.

Остаток вечера молчал и я. Лишь время от времени издавая некое подобие звуков – для выражения согласия или отрицания. Зато Павел без умолку говорил и говорил. Но это все меньше напоминало простой разговор приятелей. В его словах скользила плохо скрытая нервозность и раздражение. И я, глядя на странную супружескую пару, подумал: Почему они вместе? Зачем они вместе?..

Уже темнело и Павел предложил мне остаться. Но это не входило в мои планы. Хотя и лень было ехать домой, все же натянутая атмосфера, в которую я никак не вписывался, была куда хуже. Отказался я и от катафалка, предпочтя обычную электричку.

– Да, и совсем необязательно за мной присылать шофера, – добавил я. – Я с удовольствием буду ездить к вам на поезде.

Павел как всегда попытался шумно и многословно возражать, но я резко ему отказал.

– Меня с детства мутит от машинного масла. А вот если вы мне нальете простой водички в дорогу, буду весьма признателен. А то в электричке порой можно чокнуться от жары.

Павел так же шумно и услужливо бросился в кухню выполнять мою просьбу. Вообще-то он не такой уж плохой парень, подумал я. И не такой уж сноб. Похоже, музыкальная школа в свое время сделала свое дело, как бы он того не хотел.

Едва оставшись наедине с его женой, едва ощутив гнетущее молчание, я уже проклинал себя, что отправил Павла за водой… Но Майя, очень просто и безо всяких заумностей, сказала.

– Спасибо вам.

У нее был низкий, мягкий, почти вкрадчивый голос. Впрочем, я удивился не тембру ее голоса.

– Спасибо? Извините, не понимаю.

– Вы же сегодня спасли моего сына.

Вот тебе на! Павел так пытался скрыть правду, а тут…

– Вы, видимо, что-то перепутали, – я попытался изобразить недоумение.

– Вы кого пытаетесь покрыть? Моего сына? Или моего мужа?

Я пожал плечами. Я вообще не собирался никого покрывать. И мне не было никакого дела до их вранья и их тайн.

– Сына вам незачем покрывать, он мне сам все рассказал. А муж… Он всегда пытается изобразить передо мной героя… Зачем?

– Вы любите героев? – без особого интереса к ее симпатиям спросил я.

— А они разве есть? — в ее ярко зеленых глазах застыла такая откровенная грусть, что мне стало неловко.

Я впервые встречал женщину, которая со страшной силой отталкивала и притягивала одновременно. В ней было что-то болезненное, нереальное, что напоминало моих пациентов. И пугало меня, почему я никоим образом и не хотел возвращаться в свое прошлое. Вместе с тем в Майе было столько тайной печали, застывшей боли и одновременно открытой детской наивности, природной естественности. Что резко отличало ее от всех женщин на свете, которых я когда-либо знал.

— Вы думаете это правда? — с мольбой взглянула она на меня.

— Вы о чём? О героях?.. Не знаю, во всяком случае я — далеко не герой.

Она встряхнула своими огненно-рыжими волосами.

— Нет, я о Котике. Как вы думаете, это правда?

— Что правда? — я все же попытался уйти от ответа.

— Только не лгите. Он сам мне все рассказал. Что он сам... Сам бросился под автомобиль... — произнесла она шепотом, почти задыхаясь.

Ну, это уже слишком. Мальчишка явно сошел с ума. Как можно такое сказать матери!

— Понятия не имею, — я сделал вид, что искренне удивлен. — Но в любом случае — правда или нет, вам стоит задуматься. Почему он так поступил? А если он это выдумал специально для вас?

Она резко распахнула настежь дверь, не скрывая желания, чтобы я поскорее убрался. На улице было еще душнее, чем дома.

— Холодно, — она поежилась.

Я решил не ломать комедию. Ей моя персона явно не понравилась. Впрочем, взаимно. И я даже умудрился слегка пожалеть Павла. С его-то энергией, импульсивностью, желанием все успеть и... И такой мрак, заторможенность и запутанность.

— Кстати, вы еще не посоветовались с мужем, — откровенно спросил я. — Может, вас не устраивает, что я буду учить вашего сына музыке?

— Не устраивает? — на ее лице проскользнуло искреннее недоумение. — Мне все равно.

И я понял, что ей действительно абсолютно все равно. Не знаю почему, но от такой мысли мне стало досадно. И я поспешил ретироваться под оглушающий лай Стэллоне, так и не дождавшись обещанной воды, впрочем, которая была уже не нужна. На улице действительно похолодало. Только Майя почувствовала это раньше других...

Домой я добрался около полуночи. Несмотря на то, что внезапно нашел работу (хотя бы на первое время), настроение было поганое. И я уже стал подумывать, как отказаться от столь лестного предложения. Что я им, мальчик на побегушках? С моими дипломами, моим опытом, я должен в свои тридцать пять учить разбалованного мальчишку, не знающего что такое настоящее горе, живущего среди жирных уток и презирающего музыку. Который ради своей прихоти, может быть, от безделья или желания обратить на свою золотую персону внимание, запросто бросается под машину, а потом об этом радостно рассказывает мамаше?! Разве я должен выслушивать бесконечные рассказы об экономических победах Павла, который только и думает о том, как набить свое брюхо и рядом с какими экзотическими обезьянами провести отпуск?! Или я должен молча терпеть, когда уставшая от безделья Майя, изображающая трагичную натуру, опять же от обычной пресыщенности, укажет мне на дверь, когда ей заблагорассудится?.. И что эти жалкие, бездушные, благополучные людишки знают о жизни. И какое мне до них дело. И как они от меня далеки... Черт с ними! Я не прислуга. А они мне не господа... И кто виноват, что все места под солнцем сейчас перепутались. И почему я должен с этим соглашаться?..

Мои сумрачные мысли перебил радостный, хриплый рев.

– Кирюша! Салют, дорогой!

Не иначе, как Поликарпыч. Уже едва державшийся на ногах. Его время – около двенадцати ночи. Когда во дворе только редкие прохожие, да запоздалые собачники.

Поликарпыча я знал с самого рождения. Давным-давно он работал сантехником в домоуправлении и со своим открытым и бесхитростным характером стал почти что родственником каждому в нашем дворе. Всегда веселый, приветливый, он мог запросто починить водопровод, свет, газ. На свете не было того, чего не умел бы Поликарпыч. Зимой он заливал на площадке каток, а летом сооружал детскую площадку. Весной, благодаря ему, чуть ли не на каждом дереве появлялся скворечник. А осенью он подолгу махал своей жилистой мозолистой рукой вслед отлетающим в теплые края птицам. И по его небритым щекам текли слезы.

День Победы он, бывший партизан, всегда отмечал по-своему. Не только развешивал в два ряда ордена на стареньком, залатанном костюме. Но и обязательно сажал во дворе маленькое хрупкое деревце. И, тщательно утоптав землю, подолгу стоял возле него, приговаривая осипшим голосом.

– Ну, вот, теперь и ты, друг, будешь жить в нашем дворе.

Непосвященному трудно было понять, что происходит. Но мы давно знали о традиции Поликарпыча. Когда-то, еще в 45-м, он поклялся себе, что всех погибших ребят из своего партизанского отряда вернет в строй. И каждый год в День Победы будет сажать во дворе по вишневому деревцу и называть именами своих павших товарищей.

Так, постепенно – из года в год – наш двор превращался в вишневый сад. Ни одно из деревьев, посаженных Поликарпычем, не погибло. И все мы наизусть знали имя каждого. Огромный, цветущий, белоснежный, одурманивающе пахнущий сад был симфонией в честь торжества нашей общей Победы. Это была борьба со смертью. И символ бессмертия.

В последнее время Поликарпыч стал сильно пить, утверждая, что его жалкой пенсии хватает исключительно на «зеленого змия». Но я-то знал, что это всего лишь отговорка. Дело в том, что как-то он услышал по телевизору, что в свободной и демократической Латвии арестовали и посадили в тюрьму одного из его старых друзей – Александра Комракова. Ветеран, командир партизанского отряда, воевавший за освобождение Латвии от фашистов, потерял на фронте не только свою руку, но и здоровье. Подлечившись, после войны Комраков остался там жить, обзавелся семьей. Сегодня же, что после пяти десятков лет, прошедших со дня Победы, латвийские власти объявили его военным преступником, воевавшим на стороне «оккупационных войск» против свободы и независимости суверенной Латвии…

Такое ощущение, что весь мир сошел с ума. Или просто его к этому подтолкивают?

Тогда мы всем двором пытались убедить Поликарпыча, что никто уже давно не верит телевизионной чепухе, которую зачастую придумывают те, с кем он же и воевал. Но в ответ Поликарпыч только махал руками. И бубнил.

– Кому вы рассказываете, я и так все знаю. Дело ж не в этом. Слова-то какие сказаны!.. А слово не воробей... И подхватят его, и подхватят. Да и получается, что все было зря. Все...

И, уже не слушая наших доводов, направлялся в винный магазин. Где и отводил душу.

Тем не менее каждый День Победы в нашем дворе появлялось новое деревце. Правда, после случая с Комраковым своих орденов Поликарпыч больше не надевал...

И сегодняшним вечером я увидел привычную картину. Навстречу мне, слегка шатаясь, брел Поликарпыч. Как всегда небритый, в рваных кедах и майке с Микки Маусом. За ним молча и гордо шествовала процесия собак. Нет, не дворовых. А породистых, аристократичных красавцев. Их было штук пять. Я на вскидку выделил суетливого белого пуделя с нелепым розовым бантом на боку, курносого задиристого пикинесса, тут же рядом плавно ступал огром-

ный важный долматин. И за ними еще две собаки, породы которых я не знал, но был уверен, что они далеко не из простых.

— Опять ты, Поликарпыч, за старое, — пожурил я его, зная, что все бесполезно. — Смотри, заловят тебя. Отпустил бы ты их на все четыре стороны, а бутылку я тебе сегодня простишлю.

— Так разве я виноват? — недоуменно прикинулся простачком Поликарпыч. — Сами за мной увязываются, не гнать же их. Сам посуди, дом свой они уже не отыщут, а где им горемыкам сегодня-то ночевать? Не привычные на улице, поди пропадут.

Поликарпыч настежь распахнул дверь подъезда и пропустил вперед колонну аристократов. Они переглянулись между собой и все же решили идти с ним. Мне оставалось только развести руками. Я прекрасно знал, что будет дальше. Как всегда, все повторялось уже больше года...

Однажды Поликарпыч заметил, что его ужасно любят собаки. Как-то вечером по пути из «Вина-водки» он поманил какого-то заплутавшего пуделя огрызком колбасы и тот мигом побежал следом, словно его никогда не кормили. Старик пригрел его у себя, а утром встретил во дворе отчаявшуюся хозяйку из соседнего дома. Та бегала взад-вперед, приставая к прохожим и взахлеб описывая своего четвероногого друга. Узнав, что собаку «нашел» Поликарпыч, она чуть не упала ему в ноги, от радости готовая на любое вознаграждение. Но тот скромно отказался от всего, довольствуясь только бутылкой.

С тех пор поиск «пропавших» собак превратился в маленький бизнес. Мало того, что собаки в Поликарпыче души не чаяли, для облегчения дела он познакомился со всеми собаками округа. И как только темнело, выходил на свой промысел, а уже утром раздавал «находки» по той же нехитрой бутылочной цене. Впрочем, спустя некоторое время его бизнес осложнился тем, что все собачники в близлежащих окрестностях его уже хорошо изучили. И Поликарпычу пришлось территориально расширять свой бизнес. Он даже привлек к нему мальчишек, которые бегали по дворам, сообщая убитым горем собачникам о судьбе их питомцев.

У самого старика тоже жила собака. Если существуют какие-то критерии непородистых собак, то она переплюнула их всех. Пожалуй, она была самая непородистая. Поликарпыч подобрал ее однажды, когда шел «на дело». Он чуть ли не со слезами на глазах описывал, как она, хромая, грязная, исхудавшая, пристроилась к колонне «найденных» аристократов. Конечно, утром за ней так никто и не пришел. И она осталась жить у старика. Как две капли воды похожая на него. Маленькая, заросшая, неухоженная, хроменькая, очень общительная и очень добрая. Так они вместе и хромали по жизни. Два несчастных существа, одиноких, никому не нужных, побитых жизнью, много испытавших и ничего не получивших взамен. Поликарпыч назвал собаку Тузиком.

И я с невыносимой тоской подумал: по какому праву кучка новоявленных господ сегодня благоденствуют за счет жизней большинства других людей? Когда право на безбедную жизнь принадлежит именно таким как Поликарпыч?..

Как обычно, дома меня никто не ждал. Спать не хотелось и я, развалившись на диване, пускал дымовые кольца в потолок. С наслаждением думая, как пошлю Павла ко всем чертям собачьим. В самый разгар нашего завтрашнего объяснения раздался резкий звонок в дверь.

На пороге стояли мои давнишние дружки, мои верные товарищи и, пожалуй, мои самые близкие люди — Петька Рябов, по кличке Петух, и Шурка Кафтанов, без клички, но с уменьшительно-ласкательным именем — Шурочка, на что он всегда обижался, но так за долгие годы ничего поделать не мог. Всю жизнь мы прожили в одном дворе, закончили одну школу. И настолько привыкли каждый день любоваться рожами друг друга, что когда поступили в разные вузы, поначалу даже обрадовались. Каждый окунулся в суматошную студенческую жизнь с головой, легко заводя новых приятелей, подружек и новые интересы. И только когда такая

жизнь изрядно потрепала нас, когда вновь приобретенные друзья предали, подружки бросили, а новые интересы оказались иллюзией и чепухой, мы вновь сблизились. И с преогромным удовольствием вновь стали каждый день созерцать физиономии друг друга. По-настоящему оценив наши встречи.

И вот теперь они, сияющие и румяные от уже выпитого, ворвались в мой дом и тут же на маленькой кухне организовали незатейливый стол. Самый вкусный стол на свете. Такой у нас случался каждый год, когда из своего села приезжала Шурочкина бабушка. Правда, с каждым годом стол заметно скучел, насколько скучела вся деревня. И если раньше мы баловались паштетами из гусиной печенки, пальцем пиханной колбасой, рулетом из свежей телятины, мочеными рыжиками и всякой другой всячиной, то теперь приходилось довольствоваться солеными огурцами и куском сала. Но мы не сетовали на судьбу. Слава Богу, пока что-то есть, а вот что будет в следующем году...

— Ах, какая прелест! — причмокивает языком Петух, с наслаждением разрезая свежее, розовое, холодное сало и тут же забрасывая кусочек в рот. И от удовольствия зажмуривает глаза. — Ну давай, Кирюха. Разливай.

Я разливаю по рюмкам такую же холодную смородиновую настойку на спирте (от бабушки) и мы чокаемся.

— За бабушку! — хором кричим мы. Уже который год так кричим. — Дай ей Бог здоровья.

— Ай, да огурчики! Малосольные, с перчиком, — не нарадуется жизни Петух, от удовольствия потирая руки. — А что стало с грибочками? Почему сегодня они не украшают наш праздничный стол? Или их тоже уже приватизировали?

— Не-а, — мычит набитым ртом Шурочка. — Их радионуклидировали. Полдеревни отравилось. Вот бабуля и опасается, как бы и с нами чего не вышло. Она же не внукоубийца.

— Хорошая бабушка, — хохочет Петух и тут же с шумом оборачивается ко мне. — А вот ты порядочная свинья, Кирюха. Неужели забыл про сегодняшнее число? Эх, ты! Мы целый день шастаем вокруг такой элегантной бутылки и такой шикарной закуски. И слюнки глотаем. Но, заметь, без тебя не начинали, выдержали! Разве только — исключительно, чтобы скрасить ожидание — выпили по парочке пивка. А ты... Даже не сказал, когда будешь. Свинья ты порядочная. Давай, лучше жарь свою яичницу. А то одним салом сыт не будешь.

— Нет! — театрально выкрикнул я. — Чем яичница — лучше застрелиться!

Петух с Шурочкой угрожающе на меня посмотрели.

— Нет, ребята, — уже жалостно попросил я. — Сжалитесь. Прошу. Только не яичница.

Они, встав в боксерскую стойку, стали медленно подступать ко мне. И я покорно поднял руки вверх.

— В конце концов, все равно в доме больше ничего нет, — обречено вздохнул я и включил электроплиту.

Изредка поглядывая из-за плеча на своих верных друзей, я в который раз благодарил судьбу за то, что они рядом. Мы были разными — и по характеру, и по темпераменту. И в тоже время — похожими. Мы принадлежали одной команде. И сегодня относили себя к последним романтикам. Не приспособленцам, но, к сожалению, и не бунтарям. Мы были раздавлены внезапно наступившей реальностью. Но мы сами дали себя раздавить. Оставшись погребенными под обломками некогда великой и огромной страны. И вина за все произошедшее во многом лежала и на нас...

Петух словил мой отстраненный философский взгляд и весело подмигнул.

Он был хороший парень, Петька Рябов. Поэт и немножко циник. В общем, удачное сочетание, чтобы нравиться всем девушкам подряд. Сколько помню, они все в него влюблялись. И всегда с первого взгляда. С первого — потому что внешность Петуха к этому весьма располагала. Здоровый, высоченный, светловолосый и голубоглазый, этакий скандинав, он всегда

широко улыбался и мог запросто завести разговор на любую тему. Стоило ему только раскрыть рот, девочка была покорена уже окончательно.

Как и всякий, закончивший филфак, он писал стихи. Что не мешало Петуху, в отличие от других его коллег, не только знать наизусть уйму чужих, но и предпочитать их собственным сочинениям. На удивление, он не был тщеславен. И не мечтал стать знаменитым поэтом. Он хотел быть педагогом и учить детей любить литературу и родной язык.

Впрочем, теперь это малого стоило. Нет, даже не в денежном эквиваленте. Петух, вообще, от природы, слабо разбирался в финансовых делах. Если у него неожиданно и появлялись деньги, то вскоре так же неожиданно и исчезали.

В один прекрасный день Петух вдруг понял, что его знания, его желание быть полезным обществу, его взгляды на жизнь, людей и мир уже никому не нужны. Просто не интересны.

Это случилось несколько лет назад. Когда он, после многочисленных мытарств, поискав себя и цели в жизни, вдруг окончательно решил остановиться на педагогике. Когда понял (уже поумнев и повзрослев после окончания института), что просто поэт – не профессия. Вот тогда-то он и устроился в близлежащую школу. Тогда-то, после нескольких недель работы, он появился у меня растрепанный и усталый. Я впервые видел его таким подавленным.

– Вот и все, Кира – промямлил он. – Я не вписался.

Помню, я очень разозлился. Как можно так легко сдаться?! Хотя я злился, скорее, на самого себя. Я так же легко сдался, и так же легко ушел от борьбы за свою музыку. Мы оказались удивительно уязвимыми и не готовыми к т-а-к-о-й жизни, где все измерялось долларовыми банкнотами. И оказались выброшены за борт…

Все первое время своей педагогической деятельности Петух тщетно пытался вознести духовность до высших сфер. В общем, вознести то, что нельзя увидеть, потрогать руками, купить и перепродать, сделав на этом деньги. Ученики его вроде бы слушали, даже задавали умные вопросы. Но когда в конце четверти провели анкетирование по теме «Кем ты хочешь стать?», практически все детишки ответили: банкирами, адвокатами, визажистами, клипмейкерами и фотомоделями.

– Ты представляешь, – чуть не плакал Петух, – ни одного космонавта, поэта и изобретателя!

– Ну, Петька, – как мог успокаивал я его, одновременно успокаивая и себя, – в конце концов, ты попал еще не в самую худшую школу. Радуйся, что в списке не фигурировали проститутки, сутенеры и киллеры. В принципе, дети не виноваты.

– Да, не они, – согласился Петух. – Только не могу взять в толк, откуда столько гнилых родителей? Ведь они же, Кира, все – из нашего поколения.

Ответа у меня не было. Он затерялся где-то в конце перестроенных 80-ых. И чтобы его правильно сформулировать теперь уже понадобится не один год. Хотя, возможно, его уже разыскало нынешнее время. Потому что время и было самим ответом.

Петух вскоре успокоился, поступил в аспирантуру своего института, наивно полагая, что студенты, более-менее взрослые и понимающие люди, не столь испорчены и ограничены. И уже по-новому с энтузиазмом принялся за работу над кандидатской, тема которой была насколько проста, настолько и неблагодарна: «Любовь к Родине в произведениях Сергея Есенина». Бедный Есенин! Он и не подозревал, что его любовь к Родине также уже никому не интересна. И что оценкой тому станут насмешки и презрение. Бедный Есенин! Он не мог знать, что талант слишком много стоит. И гений не прощается даже после смерти. А любовь к Родине становится вредной и опасной.

Впрочем, этого тогда не знал и Петух. Защиту его диссертации постоянно откладывали и в конце концов отнесли на неопределенное время.

Петух не мог и уже не хотел гнаться за временем. Чем больше проходило дней, тем меньше оставалось желания работать. Боль заглушала все слова и все мысли. И в конце концов

Петъка махнул на все рукой. Мысленно попросив прощения у Есенина и у Родины. Но институт не бросил, несмотря на то, что к тому времени его зарплаты хватало лишь на сигареты и хлеб. Хотя жизнь заставляла его подрабатывать где только можно, он все еще считал своим долгом нести в студенческие массы «добре и вечное». Чтобы окончательно не опуститься и хотя бы немного себя уважать. Он уже не задавался вопросом: кому это нужно? Это было нужно прежде всего самому Рябову, у которого еще не удалось вытравить чувство интеллигентности и достоинства. Хотя он уже и перестал писать стихи.

– Да брось ты, Петъка, – попытался я как-то спасти поэтический дар товарища. – Стихи можно писать всегда. И везде... Ты знаешь не хуже моего. Люди сочиняли и в окопах, и в казематах, и за колючей проволокой...

– В окопах, говоришь, – усмехался он, по привычке жуя сигаретный фильтр. – В казематах... Может быть... Но, знаешь, это как при тяжелом ранении, когда еще дышишь, еще осознаешь все происходящее, но уже – на последнем дыхании. Когда смерть уже схватила жестокой хваткой за горло... Скажи, Кира, тогда можно что-нибудь сочинять? Нет, разве что кричать, вернее, хрюпеть. Только на это и хватает сил. Последних сил.

– Тогда кричи, Петъка! Стихами можно тоже кричать.

– Нет, Кира, боль настолько велика, что притупила все чувства, исковеркала смысл. И кричать можно только нецензурной бранью. Не мой стиль, ты же знаешь. Горлопанов и так предостаточно. Это не для меня.

Однажды Петух появился на пороге усталый и взъерошенный. От него сильно разило вином. Он со злостью швырнул на пол огромную тяжелую сумку. И мрачно продекламировал:

«Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и легко.
Весь я в чем-то норвежском, весь я в чем-то испанском,
Вдохновляюсь порывно и берусь за перо!...»

Норвежским и испанским даже не пахло. Он был в порванных джинсах и мятой испачканной майке. Шампанское он тоже не принес. Зато выставил на стол бутылку дешевого вина. И тут же принял ее откупоривать. Но в остальном Петух не лукавил – его сумка была полна ананасов! И мы с Шурочкой недоуменно переглянулись.

– Что, зарплату уже выдают ананасами? – полюбопытствовал я.

– Угу, – промычал Петух. – Почти угадал. Зарплату грузчика. Теперь, ребятки, мы будем питаться исключительно подобными экзотическими плодами.

– Надеюсь, ты не бросил институт? – с тревогой спросил Шурочка.

– И я на это надеюсь, – усмехнулся Петух. – Когда таскал тяжеленные ящики, то старался не забывать, что когда-то с отличием закончил институт, чуть было не стал кандидатом наук и наизусть знал всего Есенина и Маяковского. Что немало помогало в работе, особенно когда на меня орали благим матом, погоняя как заезженную лошадь.

Петух завалил ананасами весь дом. И весь дом несколько дней их успешно поглощал. После такого недельного «запоя» все дружно заявили: с нас хватит! Родные яблоки гораздо вкуснее и главное – не надоедают. Тогда мы отлично усвоили, что экзотики хватает ненадолго и ею слишком быстро пресыщаешься.

Кульминацией ананасовой эпопеи стала история с Поликарпым.

Как-то старик одиноко сидел среди цветущих деревьев под палящим солнцем, за маленьким дворовым столиком. Серая кепчонка, пожеванный пиджак с чужого плеча, палочка, упавшая в яркую траву. Рядом с ним как всегда примостился его верный друг Тузик. Они сидели за исписанным и исцарапанным деревянным столиком, в середине которого скромно возвыша-

лась откупоренная бутылка «Столичной». Возле нее во всей красе сиял ананас. Закуска Поликарпыша «от Петуха».

Старик каждый раз с лукавой усмешкой поглядывал на фрукт, выпивая очередную стопку. Смотрел, вертел в руках, но так и не притронулся. Водка уменьшалась, а закуска по-прежнему оставалась целехонькой. Наконец он не выдержал сияющего вида ананаса и со злостью швырнул его в кусты. К ананасу слетелись птицы, клюнули пару раз и отлетели – слишком уж тверд. Несколько раз лениво подходили коты,нюхали пресный плод, зевали и так же лениво разбредались в поисках настоящей еды. Дворовые собаки уже было приняли его за кость, но едва раскусив, бросили и разбежались в разные стороны. А ананас, дорогой и сочный экзотический плод, так и провалился в кустах до зимы, пока окончательно не стгнил. Иногда Поликарпыш приводил к нему на экскурсию своих дружков и с победным видом рассказывал, как выбросил эту заморскую дрянь.

С тех самых пор Петух разгружал не только ананасы, но киви, манго и прочую экзотику. Но во двор уже не тащил. Все знали, что помимо зарплаты Петуху полагался ящик экзотических фруктов, но куда он их пристраивал – оставалось загадкой. Стали поговаривать, без злобы и осуждения, что он их где-то перепродает. То, что еще недавно называлось спекуляцией, уже превратилось в частное предпринимательство и, естественно, перестало быть предметом осуждения. Даже если ею занимался без пяти минут кандидат наук. Но мне все же было не по себе. Представить его, красавца, умницу и поэта, стоящим у метро и торгующим экзотическими фруктами, было выше моих сил. Но и осуждать друга я не имел никакого права. Да и разве моя работа была лучше? И я решил ни о чем не спрашивать Петуха. Ему и без того было больно...

И сегодня, в день Шурочкиной бабушки, в день, давно ставший традиционным поводом поговорить по душам, я смотрел на красавца Петью. И в который раз думал, что же с нами происходит?..

– Ну, и что же ты на сей раз разгружаешь, дружище? – без всяких задних мыслей спросил Шурочка.

Впрочем, для Петуха подобные темы уже стали нормой. Превратились в часть жизни и никоим образом не задевали самолюбие. И я вновь с болью подумал: самое страшное, что человек способен привыкнуть абсолютно ко всему! И если вовремя не задуматься, то такая способность к адаптации может лишить всяческого желания сопротивляться обстоятельствам. Даже – желания какого бы то ни было анализировать ситуацию, думать и сопоставлять. И если вовремя не пресечь непроизвольную способность привыкать ко всему, то это неизбежно приведет к гибели. Чему потом ты уже будешь рад и сам.

– Что разгружаю? – Петух откусил кончик сигареты и сплюнул. – Кажется, это называется авокадо. Наверняка, какая-то дрянь. Поликарпышу уж точно не понравится. А как твои успехи, Шурочка?

Шурочка смутился. В отличие от Петуха он еще не до конца привык к подобным вопросам. Хотя давно уже не краснел.

– Да ладно тебе, Петя... Нашел о чем говорить в такой день.

Петух пожал плечами.

– А о чем еще, если не о работе?

– Такая работа – не наш выбор, – не сдавался Шурочка. – Нам ее навязали. У нас должна быть совсем другая работа. И разве мы не можем сегодня... Ну, хотя бы поговорить о музыке, которую сочиняет Кира, о стихах, которые ты пишешь или... Или хотя бы о наших мечтах...

Я опустил взгляд. Мне было горько смотреть на друга. Мечтам этого доброго, наивного и слегка неуклюжего парня никогда не суждено сбыться. Более того. Само понятие – мечта – становилось непозволительной роскошью сегодня, когда всему найдется место. Только не

мечте. И Шурочка пока еще не хотел этого признавать. Впрочем, его сопротивление с каждым днем становилось беспомощнее и слабее. Скорее всего, он тоже просто еще хотел себя уважать.

Мечты... Мы прекрасно знали мечту Шурочки. Которая родилась, как и у многих, еще в детстве. В то самое время, когда небо было чистым. Когда ярко светило солнце. Когда в городах можно было увидеть бабочек и пчел. Когда милостыню просили только дворовые собаки. Когда в школе еще мечтали стать космонавтами и офицерами, а после школы играли «в войну», в которой всегда побеждали наши. Когда ночью безмятежно спали, не боясь завтрашнего утра... Однажды, в чистом голубом небе мы увидели Шурочкину мечту – самолет, который он, мальчишка, сам придумал и сконструировал. Его самолет не был похож ни на какой другой самолет в мире. Он был похож лишь на самого Шурочку. Такой же маленький, толстый и неуклюжий. И напоминал летающую тарелку, даже выкрашен был в нелепый рыжий цвет. Нам казалось, что он не взлетит.

Весь двор прибежал на школьный стадион болеть за Шурочку. А тот, мгновенно повзрослев, со сдвинутыми бровями и важным видом колдовал над своим новым другом. Наконец раздался треск, шум и колесики аппарата плавно побежали по асфальту. Однако самолет все никак не хотел отрываться от земли и взлетать. Шурочка, задыхаясь, бежал за ним и умоляюще, со слезами на глазах просил.

– Ну, пожалуйста, миленький... Ну же, родненький... Ну, еще чуть-чуть, совсем немножечко... Ну, же, Рыжий, пожалуйста...

Зрители гудели, подбадривая Шурочку и его рыжего друга. И вскоре весь двор – и взрослые, и дети – наперебой кричали:

– Ну же, Рыжий, давай, ты же можешь!.. Ты же можешь летать!..

И «Рыжий», словно услышав мольбы всего нашего двора, вдруг резко оторвался и взмыл ввысь. Он легко парил в небе, словно привязанный невидимой ниточкой радиосвязи к пульте Шурочки. Вытворяя какие-то невероятные виражи и трюки. И мы уже не замечали ни его неуклюжей формы, ни его нелепой окраски. Напротив, там далеко в небе круглый и ярко оранжевый самолет словно спорил с самим солнцем. И этот спор он выигрывал. Как и Шурочка. Сделав тогда первый, уверенный шаг к своей мечте... Кто бы мог подумать, что через пару десятков лет наши мечты разобьют с невиданной легкостью, беспощадно, вдребезги. Изрезав осколками наши незащищенные души. В кровь. А мы безропотно позволим это сделать. И никогда себе этого не простим...

Вторым шагом Шурочки стало поступление в авиационный институт. А третьим – когда ему, молодому специалисту, доверили руководить группой в известнейшем КБ. И утвердили в перспективном плане его идею создания новейшего типа самолета, питающегося энергией солнечных батарей. Казалось, мечта Шурочки – соединить реальность с фантастикой – должна вот-вот сбыться.

– Нет, ты только подумай! – взахлеб кричал Шурочка, размахивая своими толстыми руками. – Только представь себе! Мы наконец искупим свою вину перед природой. И не навредив самим себе. Мы наконец придем к компромиссу! Мы больше не позволим себе издеваться над экологией. Над деревьями, птицами и морями. Над самими собой, в конце концов! И вся наша техника станет работать на солнечной энергии! Сколько экономии! И сколько возможностей! Само солнце поможет человечеству! А человечество наконец придет к здравой и благородной мысли, что оно должно не просто брать у природы, потакая своим прихотям, но и помогать ей, всему миру развиваться естественным путем. Все дальше и дальше. Это прогресс! Понимаешь! Это и есть прогресс! Когда можно дышать чистым воздухом, купаться в чистой воде, собирать чистые плоды и употреблять их в пищу. И одновременно летать на самолетах, плавать на кораблях и кататься в автомобилях! Это только начало! Только первый шаг!..

Начало карьеры, пожалуй, было самое счастливым временем для моего товарища. Которое в один далеко не прекрасный момент станет концом. Он не мог этого знать и был безмерно счастлив. Любимая работа, надежные друзья, рядом – верный товарищ и самая любимая женщина – его жена Галка.

Шурочка женился первым, чему никто не удивился. Его Галку знал весь двор. Она росла на глазах у всех, была заводилой, общественницей, да и просто веселой, неунывающей девчонкой. Добрее человека я, пожалуй, не встречал. Две смешные косички, россыпь веснушек на круглом румяном лице, колготки в гармошку, на запястье часики с изображением Гагарина – первый серьезный подарок от Шурочки. С детства они были неразлучны и их все время дразнили женихом и невестой.

Галку обожал весь двор. И когда она из озорной девочки превратилась в симпатичную, но такую же смешливую и открытую девушку, ее полюбили еще больше. Потому что она всегда спешила делать добро. Ей беспрестанно звонили, спрашивали совета, просили о помощи. И она ни разу никому не отказалась. Галка знала самые разные вещи на свете. Она могла лечить травами или запросто починить торшер. Она вязала, шила и подолгу могла спорить о творчестве Тургенева и Чайковского… Я редко встречал в жизни таких всезнаек. Галка была, как тогда говорили, очень активна по жизни, пыталась побольше узнать и изучить… Уже теперь кажется, будто она чувствовала: судьба уготовила ей недолгую жизнь. Которую она не имела права тратить попусту…

И мы запомнили ее именно такой. Верящей исключительно в добро. Что исключительно добро спасет мир. К счастью, она так и не узнала, что носителей этого самого добра с каждым днем, если не часом, сейчас становиться все меньше и меньше. И что совсем скоро некому уже будет спасать… И спасаться.

Галка заболела внезапно. Впрочем, болезнью уже были пропитаны воздух, стены, природа и люди. Болезнь подползла незаметно, высасывая по капле добро и веру, обескровливая их, превращая в уродливый густок злобы, стяжательства, жадности и агрессивной бездуховности. Тех, кто сопротивлялся она просто уничтожала. И, как на войне, из жизни уходили самые лучшие… Но Галке казалось, что заболела она сама по себе. И что ее обязательно спасут.

Мы действительно очень хотели ее спасти. И каждый, кто знал Галку, не остался безучастен к ее беде. Но каждый, кто знал Галку, оказался не настолько богат, чтобы реально помочь. А все решали деньги. Даже не господь Бог. Все было гораздо проще. И гораздо бессмысленнее… Все решали деньги. Большие деньги. Таких денег ни у кого не было.

Я помню как суетился весь двор, как обзванивали родных и знакомых, как создавали общую кассу, как обратились через радио к состоятельным людям. Как, как, как… Как делали все, что было в наших силах. Словно спасали себя, словно пытались спасти то, что еще в нас не погибло… Мы спасали самих себя. И нам так хотелось спасти нашу Галку.

В то время я еще работал в психотерапевтической клинике. У меня было много знакомых среди врачей, даже друзей. И мне уже напрямую говорили, что я бесчувственный чурбан, потому что ничего не могу сделать. Что так не бывает. Они не могли поверить, что так уже бывает. Помню Шурочку, рыдающего у меня на плече.

– Кира, ну у тебя же столько знакомых… У тебя же… Ты же врач в конце концов… Ты же знаешь, как я люблю Галку… Ты же знаешь, что я без нее пропаду.

Я это знал. Но был бессилен помочь. И объяснить был бессилен. При чем тут друзья, знакомые или коллеги? В условиях «рынка» друзей, знакомых и коллег не существует. Между ними всегда стоят деньги.

– Ну, Кира… Кира, ты же врач, ты должен помочь…

Я знал, что в такие минуты горя и отчаяния человек не может понять ничего. Например, отличия между медицинскими специальностями. Для него все сходится в одно-единственное, самое святое и непогрешимое слово – врач.

– Боже, Шурочка, – мне, пожалуй, было еще тяжелее, чем ему. Я чувствовал себя виноватым за всю медицину на свете. – Ты же знаешь, я не кардиохирург. А операция на сердце... Тяжелая операция...

– Кира, ты мне поможешь! Слышишь! Ты мне поможешь! Ты... Ты же мой друг! Ты мне поможешь! – уже кричал на меня Шурочка, со всей силы тряся за грудки. Его очки сползли на нос. Лицо покрылось пятнами. А в глазах столько было боли, что мне ничего не осталось, как тихо и покорно ответить.

– Да, я тебе помогу.

И я вновь пытался что-то делать. Я пошел на прием к человеку, которого давно знал и которого давно ненавидел. Еще со студенческой скамьи. Я вновь пошел на поклон к шестерке, подхалиму и тушице – главному врачу самой престижной и оснащенной по всем западным меркам кардиохирургической больнице Погоцкому Виктору Михайловичу. Проще – к Редиске, как звали его в институте. Вот она ирония (или подлость) судьбы! Человек, лечащий других, человек, от которого зависит – будет ли биться сердце пациента, сам был без сердца. И к такому человеку я пошел на прием и на поклон. Уже в который раз. И в который раз знал, что напрасно. И в который раз он нудно и бесстрастно объяснял мне так называемое положение дел. Что он – подневольный человек, что в его больнице работают выдающиеся специалисты со всего мира, с которыми заключены договоры на баснословные суммы, что каждая операция стоит десятки, если не сотни тысяч долларов, и он не имеет права просто так взять их из бюджета клиники, что возможна и бесплатная операция, но очередь бесконечна... Было тысячи логически обоснованных, грамотно аргументированных «что».

– Я только прошу, – в который раз повторял я. – Я только прошу чуть-чуть времени. Черт побери! В рассрочку!

Какое страшное слово. В рассрочку. И это – человеческую жизнь. Словно речь идет о каком-то товаре. Но не о живом человеке. Но не о Галке.

– В рассрочку, – он усмехнулся и оглядел меня с ног до головы, словно прицеливаясь. – Не считай меня идиотом. Ты таких денег никогда не заработкаешь. Если только удачно ограбишь банк. А у меня обязательства...

– Ты давал обязательства перед Гиппократом! Перед Господом Богом, в конце концов! Или ты забыл эту клятву! – я со всей силы сжал кулаки, готовый броситься на него и растоптать.

– Нет, не забыл, – спокойно ответил Редиска. Круглый, румяный, ни одной морщинки на гладком лице. – Но теперь я дал другую клятву. А она очень многого стоит. И ни Гиппократ, ни Бог за меня не рассчитываются. Я должен рассчитывать лишь на себя.

– Клятву дядюшке Сэму? И сколько человеческих жизней ты ему обещал? И сколько он должен тебе?

В его взгляде застыли ненависть и злоба. А еще тысячи, миллионы зеленых бумажек. Это была цена Галкиной жизни.

Резкий телефонный звонок прервал нашу «беседу». Редиска взял трубку. Помолчал. И глядя мимо меня куда-то вдаль, избегая моего взгляда, глухо выдавил.

– Впрочем... Впрочем, Кирилл, уже не о чем спорить...

Я вздрогнул. Я все понял. И бросился к выходу.

– Кирилл! – его дрожащий голос остановил меня. Трусливый, дрожащий голос, но не более. – Погоди, ты, надеюсь не думаешь, что это я... Ну, во всем виноват...

И вновь трусливый взгляд. Зеленые бумажки на мгновение съехали в уголки глаз. Появились трусость и подобие сочувствия. Но не раскаяния. Я бросился вон. И уже на улице, переведя дух, сообразил, что не сделал главного. Не плонул ему в лицо... Я шел не чувствуя ливня. Не замечая грязи и луж под ногами. Не слыша рева автомобилей и гула толпы...

На углу у «Нумизмат» я внезапно заметив знакомую фигуру. Это был Поликарпыш. Рядом с ним стоял здоровенный детина в темных очках. Маленький хроменький старик дро-

жащими руками протягивал ему что-то блестящее. Недобро предчувствие заставило вмиг очнуться. И я подскочил к ним.

Так и было. Этот недобитый гад выторговывал у Поликарпыша орден «За оборону Сталинграда». Сердце готово было разорваться, как снаряд с последней войны, прямо здесь. И я закричал. Пожалуй, не будь у меня такого сумасшедшего вида, безумных глаз, дикого рева, детина мог бы запросто прихлопнул меня на этом же месте. Но он испугался.

– Сволочь! – бешено орал я. – Быстро вернул орден! Или я задушу тебя собственными руками!

Он торопливо бросил орден в лужу и запрыгнул в машину, огрызаясь уже на ходу.

– Чокнутый! Шваль подзаборная!

Шестисотый «мерс», сверкая пулепробиваемыми стеклами, бросился с места. И я не без удовлетворения подумал, что нас еще боятся.

Поликарпыш поднял орден, бережно вытер его краем пиджака и поцеловал. В луже осталась валяться десятидолларавая бумажка.

– Прости меня, Кирюша. Сам знаешь, для чего я... Для Галки.

– Я все знаю, Поликарпыш. Все знаю. Но уже поздно... Но даже не в этом дело. Дай мне слово, милый Поликарпыш: чтобы ни случилось – землетрясение, голод, смерть, никогда не продавай ордена. Никогда! Ведь это одно из немногого, что у нас еще осталось. И мы не имеем права...

Я взял орден из рук Поликарпыша и прицепил ему на грудь.

– Пошли, старый солдат! Пройдемся гордо мимо этих блестящих витрин. И помни, что здесь когда-то гуляли Пушкин и Горький, что здесь строились храмы науки и храмы души. Ведь именно здесь ты вместе со своими товарищами прошел в конце концов победным маршем в 45-м. И мы имеем право гордо пройтись по нашим улицам. Потому что они всегда будут наши.

– Я воевал за то, чтобы жила Галка. А не такие, как этот... – прохрипел Поликарпыш, глотая старческие слезы.

– Мы будем жить за нее, милый мой друг. Мы будем жить...

– Да... Но как? Кирка, ответь, как?

Я не ответил. Я крепко обнял маленького Поликарпыша. И он, опираясь на палочку, пошел рядом со мной. Гордо вскинув голову. И на его груди вызывающее блестел орден «За оборону Сталинграда».

Потом Шурочка меня спросил об одном.

– Скажи, Кира. Честно скажи. Если бы все случилось лет десять назад, ее можно было бы спасти?

Я честно ответил.

– Во всяком случае, операцию сделали бы немедленно. А уж потом полагались бы на Бога.

– Значит, у нее был шанс. Значит, она могла бы жить, – тихо, но твердо сказал Шурочка. – Значит, ее просто убили.

– Знаешь, сколько бы могло жить... – я махнул рукой. – Впрочем, как на войне.

– Странная война, Кира. Односторонняя. Ведь никто даже не сопротивляется. Что с нами сделали, Кира?

Шурочке я тоже ничего не ответил. Потому что ответа не знал никто из нас...

Вскоре после смерти Галки на моего друга посыпалась новая беда. Его родное КБ практически остановило работу, прекратив почти всю исследовательскую деятельность. Шурочку научную группу попросту расформировали за нерентабельностью и полной ненадобностью стране. Профессионал, блестящий ученый и просто умница, мой товарищ Шурочка оказался на улице. Впрочем, после смерти жены он просто не воспринимал происходящее. И ничто уже не принимал за трагедию. Ему уже нельзя было сделать больнее.

Впрочем, как и Петьяка, Шурочка старался не забывать кто он. И поэтому не бросился организовывать сомнительные фирмы, не бросился воровать и спекулировать. Но поскольку достойной работы уже не предвиделось, он махнул на все рукой и решил стать продавцом книг.

– Во всяком случае, я не буду торговать тряпками, – оправдывался он. И успокаивал сам себя. – Все-таки книжки. Понимаете, ко всему прочему, я хоть имею возможность их читать. Это уже кое-что...

Вскоре Шурочка переключился на торговлю словарями и разговорниками. Потихоньку изучая иностранные языки. Однажды я его увидел за «любимой» работой. Бывший отличник учебы, бывший дипломированный инженер, бывший изобретатель и руководитель лаборатории одного из самых престижных НИИ, стоял под проливным дождем, согнувшись от холода в три погибели и бубнил себе под нос иностранные слова. Изредка доставая из кармана бутылку, чтобы согреться. А по радио бодрый дикторский голос радостно вещал об огромных возможностях, открытых нынче перед молодежью. Когда каждый запросто может иметь дополнительный заработок...

И вот сейчас мы втроем сидели на кухне, закусывая воспоминания солеными огурчиками. Мы праздновали свое поражение. Грузчик, продавец и без пяти минут гувернер. Бывший учитель, бывший инженер и бывший врач. Бывший поэт, бывший ученый и бывший музыкант. Три представителя некогда самых почитаемых профессий. «Из бывших...» – с горечью подумал я. Мы даже не могли позволить себе такую роскошь, как любимое дело. Мы даже не могли позволить себе такую роскошь, как любовь... Я уже не был женат, потому что развелся. Шурочка уже не был женат, потому что овдовел. А Петьяка не был женат, потому что уже просто не хотел. Мы все были свободны и от работы, и от любви. Но никто из нас не чувствовал счастья от этой свободы, потому что прекрасно знали ее цену... Наконец-то сбылась американская мечта по-русски. Когда уголовники и номенклатурщики превратились с бизнесменов и политиков, а из учителей, ученых, военных сделали мелких торговцев, грузчиков и нищих... Так мы отпраздновали свое поражение.

А утром, несмотря на свой вчерашний внутренний протест, я все-таки решил заделаться гувернантом. И тщательно побрился, проклиная себя. От этого стало легче. К тому же я успокаивал себя тем, что в любой момент могу плечом к плечу и уйти. Успокаивал себя, тем, что мне нужен хоть какой-то, пусть – временный, заработка для жизни и поиска более достойной работы. В конце концов, я же буду не слугой, а учителем музыки. Окончательно успокоившись, я поехал на свою новую работу.

Выходя из электрички, я огляделся. И с жадностью вдохнул чистый утренний воздух. Когда еще я мог себе позволить каждый день бывать на природе! Гулять по березовой роще, любоваться влажной от утренней росы листвой, прикасаться к молочной коже стройных гибких деревьев, слушать веселый щебет птиц и щуриться от играющих на мокрых можжевельниковых кустах солнечных бликов. Когда еще я мог себе позволить вот так, просто наклониться к дереву, разгрести руками листву и аккуратно срезать подберезовик вместе с запахом леса и детства. Когда я еще мог позволить себе думать только о красоте мира, просто о земле и просто о небе. И обманываться, представляя, что в мире есть только земля и небо. И на земле лишь растут деревья и цветы. И в небе лишь летают птицы, да светит солнце... А все остальное – неправда и чья-то злая выдумка...

Сталлоне исходил лаем, злобным и истеричным. Я подумал, что ему нет места в мире его собратьев. И мысленно вычеркнул его из списка достойных... Эта привычка осталась еще с детства, когда я придумал один список достойных мира сего и второй – соответственно – недостойных. Когда меня кто-то раздражал, то я тут же мысленно заносил его в «черный» список. И тогда мне становилось легче. С таким человеком я разговаривал уже более спокойно,

поскольку он был всего лишь ошибкой нашего мира. С которой лишь нужно было мириться, ведь мир без ошибок невозможен.

На пороге дома меня ждала Майя. При свете только что просыпающегося утра она выглядела еще неожиданней и прекрасней. Хотя на ней было одето такое же длинное простенькое ситцевое платьице. Разве что огненно-рыжие волосы были убраны под платок. Если бы она еще и улыбнулась, то мне было бы легче смириться со своим подневольным положением. Но, как и накануне, маска меланхоличного равнодушия по-прежнему застыла на ее бледном лице. Я протянул ей полную пригоршню только что собранных грибов, перепачканных землей и пахнувших свежим ароматом леса.

– Это вам, – вместо приветствия сказал я. – Вы не бойтесь… Я хорошо разбираюсь в грибах… Для супа они очень даже пригодны.

– Не бойтесь? – недоуменно повторила она. – Разве можно бояться грибов?

Я пожал плечами. Либо она была дурой, либо пыталась сделать идиота из меня.

Мы молча вошли в дом. У меня сложилось впечатление, что большую часть своей жизни она вообще молчит. И чтобы сгладить намечавшуюся паузу, я поинтересовался где Павел.

– Павел? А он вам разве нужен? Я думала, вы будете учить моего сына, а не мужа.

Ну, это уже слишком! За кого она меня принимает?!

– Ваш муж прекрасно разбирается в музыке, поэтому мне придется хоть чему-нибудь обучить вашего сыночка! – грубо отрезал я.

Она скользнула по мне бесстрастным взглядом. И так же бесстрастно ответила.

– Я очень люблю своего сына… И не позволю никогда и никаких грубостей по отношению к нему.

– Может, мне сразу уехать? – уже подчеркнуто вежливо спросил я.

– А вы что, грубиян?

– Пока за мной подобного не водилось. Но я знаю наверняка, чего не будет точно.

– И что же?

– Лакейства. Возможно, я себя не люблю. Но, поверьте, уж точно – уважаю. Поэтому со своей стороны требую того же и от других.

– Уважение нужно заслужить.

– А я думаю, что само понятие – учитель – уже подразумевает уважение. И если этого нет… Нам больше не о чем говорить. А заслуживать в вашем доме я ничего не собираюсь.

– Где, кстати, вам щедро намереваются платить.

О, уже откровенная ирония! Не такая уж она, беспристрастная леди. И вывести ее из себя не составило большого труда. И прежде чем уйти (что я уже намылился сделать), решил во чтобы то ни стало ее огорчить.

– Боюсь, вам придется платить кому-то другому. Я сегодня совершил огромную ошибку, приехав в ваш дом. Что ж, ошибкой больше, ошибкой меньше. Дело не в количестве ошибок, а в умении их вовремя исправлять. Здесь я уж поднаторел.

– Похоже, ваша вся жизнь – сплошная ошибка.

– Что вы знаете о моей жизни? – сквозь зубы прошел я. Эту дамочку я уже почти нена- видел. – Зато про вашу я могу многое рассказать. Подобные вам встречались, к сожалению, в моей жизни. И, к сожалению, с каждым годом встречаются все чаще.

– Подобные мне? Это уже интересно.

– Напротив, это неинтересно вовсе. Настолько неинтересно, что я с вашего позволения я поспешу откланяться.

– Вы же, насколько я знаю, пришли зарабатывать деньги. И насколько я понимаю, вас не волнуют хозяева.

– Хозяева? – я презрительно усмехнулся. – Вы… Вы – хозяева?! Кто вам сказал?! Кто??!

– Раз вы позволили себе прийти сюда, значит вы с этим согласны. Или вы мне сейчас начнете рассказывать о своем безвыходном положении? Может, оно и без выхода. Но... Разве не вы допустили все это? Разве не вы избрали для себя такой путь. Не оставив другого выбора: либо кланяться хозяевам, либо тихо умирать. Ведь третьего не дано.

Мне определенно не нравился такой разговор. Не нравился ее язвительный тон. Ее невозмутимость и спокойствие. И если минуту назад мне хотелось во что бы то ни стало ее разозлить, то теперь захотелось поскорее сбежать. От ее ироничных слов, от ее серьезного взгляда, от ее близости, которая волновала и отталкивала одновременно. И я бросился к выходу. Но тихий умоляющий детский голос заставил остановиться.

– Кирилл, пожалуйста, не уходи.

Я оглянулся и столкнулся взглядом с Котиком. Он стоял, прислонившись к дверному косяку соседней комнаты. Похоже, что он все слышал.

– Ты же обещал научить меня музыке. Ведь обещал, правда?

Это было правдой. С некоторых пор неустроенность жизни превратила меня в мнительного и неуверенного типа. При чем тут Майя, при чем ее муж, при чем в конце концов хозяева и слуги? Все гораздо проще. Я пришел научить музыке одного неплохого рыженького паренька. И я остался.

Уже в детской Котик сказал.

– Она не такая... Честное слово, Кирилл. Она не такая. Она добрая. Просто она все время от кого-то защищается.

О доброте Майи я бы поспорил. Но только не с ее сыном.

– Конечно, Котик. Я знаю, что твоя мама добрая. Я знаю.

– И еще... Можно вас попросить... Не обижайтесь, если она вас станет обижать. Хорошо? И, пожалуйста, не уходите...

– Неужели ты вдруг влюбился в музыку? – я потрепал мальчишку по рыжей шевелюре.

– Пока еще нет. Но... Но вдруг случится?

– В таком случае, с чего начнем? И каков ваш, молодой человек, запас знаний?

– Поиграй, Кирилл, что-нибудь. Ну, как бы для вдохновения.

Скорее всего, мальчишка лукавил. Ему явно не хотелось заниматься. Но взглянув на его печальное, не по-детски серьезное лицо, я сдался. И опустил руки на клавиши. И заиграл «Лунную сонату» Бетховена. Мне показалось, что именно эта музыка сейчас наиболее подходящая... Я воображал себя перед огромной аудиторией и постарался передать и печаль лунной ночи, и трагедию не наступившего утра, и бессмысличество ушедшего дня. Я играл вдохновенно. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось, чтобы паренек восхитился моей игрой. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось, чтобы он меня уважал. Чтобы он привязался ко мне понастоящему. Мне вдруг захотелось быть кому-нибудь нужным. Мне захотелось кому-нибудь помочь. И в помощь я призвал Бетховена с трагизмом его «Лунной сонаты»...

Я опустил руки. И глубоко выдохнул. И оглянулся. Котик сидел на диване, поджав ноги, и смотрел куда-то мимо меня. За окно. В его глазах я ничего не увидел. Ни восхищения, ни удивления, ни уважения. В его глазах была отрешенность и пустота. Таким его я и встретил вчера. И таким он был сейчас. Бетховен мне не помог. Но я почему-то не разозлился, а просто вдруг почувствовал огромную усталость. И мне вдруг захотелось домой. Все здесь вновь стало чужим и нелепым. И громоздкий старомодный рояль, мимо которого по-прежнему шествовали толстые глупые утки, словно ухмыльнулся черно-белым оскалом. И я разозлился на себя, что дал слово не уходить.

– Ты здорово играл, – тихо сказал он и отвел взгляд. Он еще не научился лгать.

– Да, – ответил я. – Я действительно играл здорово. Жаль, что ты этого так и не услышал.

– Не обижайся на меня... Пожалуйста, – он поднял на меня глаза, полные мольбы.

– Ну хорошо, Котик. Давай немножечко поговорим. Слова иногда тоже нужны музыке. Согласен? Только честно, надеюсь, между нами все будет по-честному, так?

Он не ответил. Я и не ждал, потому что не хотел, чтобы Котька в очередной раз соврал.

– Котик, ты только скажи, тебя что-нибудь интересует? Например, литература? У меня, кстати, есть друг, он настоящий поэт.

Котик отрицательно покачал головой.

– Ну, в таком случае, может, ты мечтаешь стать изобретателем? Может, тебя интересует техника или что-то в этом роде. Кстати, мой второй друг – настоящий ученый. И если я его попрошу…

Котик вновь отрицательно покачал головой. Я уже начинал злиться.

– Но так не бывает, черт побери! В двенадцать лет так просто не может быть. Ну, не может и точка! Ну, ладно еще я могу позволить себе на все махнуть рукой! В конце концов, годы мне уже позволяют. Хотя какие это годы в иное время! Но сегодня… Сегодня количество разочарований тысячекратно превысило количество моих лет. Но и то! И то сегодня утром я вдруг обнаружил, что по-прежнему люблю собирать грибы. И не смейся, пожалуйста. Иногда именно такие мелкие, казалось бы, детали возвращают нас к жизни. Уж это я знаю точно. Так что подумай. Прошу тебя, подумай. Черт побери, что-то ведь ты должен хотеть и о чем-то мечтать!

– Мне мечтать не о чем, – опять его бесстрастный голос. – У меня все есть.

– А ты разве, милый мальчик, не знал, что мечты это совсем другое. Им нельзя называть цену. И они не определяются чем-то, выраженным в деньгах и вещах! Ну, же, подумай?!

– Ну, хорошо, – Котик отвел взгляд. – Я мечтаю досконально изучить анатомию.

– Что? – изумился я, не ожидая такого поворота. – Странный выбор. Впрочем… Ты, как я понял, мечтаешь стать врачом?

– Нет… Наверное, нет… У меня не получится. Я боюсь крови.

– Тогда я не понимаю.

– Ну, в общем… Я хочу понять, почему умирают люди.

– Может, в таком случае тебе следует обратиться к религии?

– Не знаю, – Котик опустил взгляд. – Я хочу знать, почему умирают хорошие люди?

– Котик, – я приподнял слегка его подбородок вверх и посмотрел прямо в глаза. – Ты хочешь что-то сказать?

Котик резко дернулся головой.

– Я ничего не хочу сказать, – буркнул он. – Вы сами прицепились ко мне со своими дурацкими вопросами.

– Хочешь. Я поговорю с твоими родителями, и они отстанут от тебя. И тебе не нужно будет заниматься больше музыкой.

– Нет!.. Пожалуйста, нет… К тому же тогда они найдут другого учителя. Так лучше уж вы. Правда. И потом, даже если вы не научите меня играть… Вы сможете меня научить любить музыку…

В обед Майя накормила нас грибным супом. Который пах все той же бересковой рощей и приближающейся осенью. Уже уходя, я задержался в дверях и тихо обронил:

– Кстати, ваш сын мне сказал, что вы очень добрая, Майя.

– Ну, как сын, он имеет право на преувеличение. Разве не так, – ехидно ответила она.

Я слегка поклонился. И, решив не начинать новый виток напряженности, развернулся и вышел.

Времени у меня было уйма, и я решил прогуляться по поселку. Очень хотелось узнать, в каком все-таки доме работаю. Заметив издалека вывеску «Аптека», я поспешил туда. Тем более, меня не покидало чувство, что Котик что-то скрывает. Ведь не зря он обмолвился об

анатомии и о смерти. Меня тяготило подозрение, что мальчишка болен. А опровергнуть или подтвердить это могли здесь только в аптеке. Главное – умело спросить.

Я открыл тяжелую дверь и очутился в чистеньком, стерильном, пахнущем дорогими лекарствами, помещении. За прилавком сидела такая же чистенькая и стерильная молоденькая аптекарша. Она была увлечена своими ногтями, ловко действуя пилочкой, и даже не подняла головы, когда я вошел.

– Здравствуйте, – громко выкрикнул я.

Она подняла глаза и оглядев меня с ног до головы и, тут же сообразив, что я не из местных миллионеров, не удосужилась даже дежурно улыбнуться.

– Я вас слушаю, – лениво пропищала она.

Девушка была очень молоденькой, очень хорошенкой и очень ухоженной. И что сразу было видно – не одинокой. И отлавливать кавалеров не считала нужным. Мне же ничего не оставалось, как назвать первое на ум пришедшее название лекарства.

– Надеюсь, в такой прекрасной аптеке найдется маленький флакончик валерьянки.

Она тут же назвала цену. И выжидающе на меня посмотрела. Да уж, цена валерьянки превосходила все возможные достоинства лекарства и превышала все мыслимые размеры.

– Ну и? – усмехнулась она.

– Что, ну и? – не выдержал я.

– В городе вам купить, думаю, будет проще, не так ли?

– А вас давно, милая девушка, научили заглядывать в чужие карманы? – я решил принять другую тактику. Поскольку с подобными разбалованными и наглыми девицами следовало разговаривать в другом тоне. – Так что побыстрее меня обслужите, ведь ваша профессия, смею заметить, в том и заключается. Не более. Мне жаль, что мой лучший друг дал вашей аптеке такую хорошую рекомендацию. Думаю, он ошибся. Кстати, на ваше место найдется много желающих.

В ее хорошенъких пустых глазенках мелькнул неприкрытий испуг.

– Друг? Извините, за любопытство...

– Извиняю. Мой друг Павел Ледогоров.

– Паша! – воскликнула она и тут же покраснела. И тут же в ее глазах испуг пропал. И она облегченно улыбнулась. И пришла моя очередь удивляться. Паша! Как трогательно. И явно неспроста.

– Надеюсь, не ему понадобилась валерьянка, – уже дружелюбно, почти фамильярно спросила она. И хихикнула.

– Правильно надеетесь, – я не сбавлял темпы. Удача плыла мне в руки. И я надеялся вскоре что-то узнать. – У Пашки крепкие нервы.

– Что не скажешь о его милой женушке, – она мне подмигнула.

Упоминание о Майе, да еще таким тоном, мне не понравилось. Но пришлось подыграть.

– Да уж, не скажешь.

– Бедненький, как он с ней мучается, – вздохнула притворно аптекарша. – И позор-то какой... При его положении...

– Ну, милая, я не знаю подробности. Мы с Павлом друзья детства. А поскольку я лишь вчера вернулся из Швейцарии, где жил долгие годы...

Она вновь недоверчиво оглядела меня с ног до головы, не понимая, почему такое носят в Швейцарии.

– И как приятно вновь оказаться на родине, – перебил я ее взгляд. – И вновь, вот так просто, с самого раннего утра отправиться по грибы... Какие здесь чудесные места!

Чудесные места ее явно меньше всего волновали. Но она облегченно вздохнула, сообразив, что по швейцариям я в таком виде не разгуливал.

— Так вы, говорите, вам нужна валерьянка? — уже более почтительно спросила аптекарша. — Уж не для Майи ли?

— Неужели она нуждается в валерьянке? — я вновь решил направить разговор в нужное русло.

— Нет, думаю в валерьянке она не нуждается, — язвительно ответила продавщица. — Ей, наверняка, нужны успокоительные посильнее.

— Неужели ее дела так плохи? — в моем голосе послышались нотки тревоги.

— Ну, когда молодая женщина три раза пытается покончить с собой...

Покончить с собой! Неожиданно! И я вспомнил Котика, бросающегося под автомобиль. Нет, таких совпадений не бывает.

— Покончить с собой, — задумчиво протянул я. — И вы, милая, безусловно, знаете причину столь неординарных поступков?

— Причину? Какую причину! Ясно, что она сумасшедшая. Тут все говорят об этом. Какой дурак наложит на себя руки при таком богатстве.

Я внимательно посмотрел на аптекаршу. Глупая, пустая кукла. Уж она точно на себя никогда не наложит руки. Скорее вольется другому в горло, чтобы не упустить свое. Но высказать вслух столь лестные для нее мысли я не мог, поскольку во что бы то ни стало хотел добить информацию.

— Ну, она надеюсь, хотя бы лечилась...

— Лечилась? Может быть... Но они все держат в такой тайне...

— А я то думал, что у Паши от вас нет никаких тайн.

— А от вас? — усмехнулась она. — Кстати, не думаю, что ему понравится, когда он узнает, что вы тут все вынюхиваете про его милую женушку.

— Но еще менее ему понравится, милая, когда он узнает, что все сплетни о его семье распускаете именно вы, — я премило улыбнулся ей в ответ.

— Но ведь он никогда ничего не узнает? — она настороженно впилась в меня своими пустыми глазками.

— Умница вы моя, — и я даже позволил себе привольный жест и потрепал ее по румянной щечке. И она резко отпрянула. И скривилась.

— Кстати, девушка, — я не выдержал и уже в дверях задержался. — Часто ли в вашем благополучном поселке болеют?

— А вам зачем? — удивленно спросила аптекарша.

— Да так... Просто хотелось узнать, насколько быстро разоряются обитатели столь престижных коттеджей. От всей души вам желаю хорошего бизнеса.

Громко хлопнуть дверью на прощание мне так и не удалось. Двери нынче везде одинаково тяжелые и трудно открываемые...

В город я приехал в прескверном настроении. То, что удалось узнать, вселяло тревогу и опасение. Я много думал об Майе. Мне много приходилось видеть на своем веку людей с отклонениями психики. И я практически всегда безошибочно мог определить диагноз. Но Майя... Нет, тут что-то было не так. Я вспоминал ее холодный, отрешенный взгляд. Ее ироничные фразы, ее желание все время защищаться, как правильно заметил Котик. Да, именно защищаться. От внешнего мира, от встречных людей, пожалуй, и от себя. Но нарушений... Явных нарушений здесь не было. Конечно, депрессивное состояние вполне можно допустить. Но я в жизни бы не сказал, что эта женщина готова наложить на себя руки. Подобных больных я изучил, и с суициdalным синдромом сталкивался не один раз, когда еще практиковал в клинике. Впрочем, я уже давно не практикую, и начал уже терять профессиональные навыки. Может, этим и объяснялось то, что я не определил характерные признаки нарушения психики. Черт побери! Ведь не один же раз она собиралась наложить на себя руки. Если бы один-то

вполне могла быть определенная причина. Но три раза... Это уже очень серьезно. И, если она где-то лечилась, то только в самой престижной клинике. А самой престижной и дорогой на сегодняшний день была моя бывшая. И я не раз шутил по этому поводу. Едва я ее покинул – там сразу же дела пошли на лад. Хотя, все было, конечно, гораздо проще. Ее просто купили с потрохами, как и моего давнего приятеля-главврача, любителя симпатичных девушек и симпатичной музыки... Пожалуй, пришло время обратиться к нему.

С этими обнадеживающими, хоть и невеселыми мыслями я решительно шел по направлению к своему подъезду и даже поначалу не услышал, как меня окликнули.

– Ну же! Кира! Ты что – глухой! – наконец услышал я позади себя капризный писклявый голосок. И оглянулся.

И увидел высокую, здоровую девицу, развязно облокотившуюся о крыло новенького спортивного Альфа-Ромео. Яркая блондинка,зывающе накрашенная, в коротком ярко-красном блестящем платье, явно надетом под цвет такого же ярко-красного автомобиля. Естественно я ее не узнал.

– Ну же, Кира, – протянула она с каким-то неопределенным акцентом. – Ты что, старых подружек не узнаешь.

Ну, если мои старые подружки такие, куда я вообще тогда качусь, с тоской подумал я. И нехотя приблизился к девушке. Вблизи, несмотря на дорогое оперение и вызывающий окрас, я наконец-то ее узнал. И мне оставалось разве что громко присвистнуть.

– Ты что ли, Санька??

Она в ответ обиженно надула свои накрашенные полные губы.

– Не Санька, а Сандра, пора бы тебе знать.

Ого! Уже Сандра! И этот дорогущий автомобиль, и этот лоск, конечно, чертовски вульгарный, но тем не менее... Да, денежным купюрам все-таки пора поставить памятник. Что они вытворяют! Если из такого чучела, такой дурнушки что-то удалось слепить.

Сколько я жил, столько я знал Саньку. Она выросла с нами в одном дворе. И все ее ужасно жалели. Пожалуй, она была самая некрасивая девчонка в нашем доме. Толстая, высоченная, неуклюжая и к тому же самая глупая. Только из жалости учителя переводили ее из класса в класс, и она с горем пополам закончила восьмилетку. Потом долго работала на швейной фабрике и наконец, когда ее мать с гордостью сообщила о том что она выходит замуж, все облегченно вздохнули. Этого никто не ожидал. Насколько я помню, он был поваром какого-то захудаленького кафе. Куда она иногда забегала с девчонками после работы. Видели мы его один раз на свадьбе. Одного с ней роста, мордоворот с ужасно тупым взглядом, он все время что-то жевал и в перерывах что-то бессмысленно мычал. В общем, все тут же решили что они будут счастливы. После свадьбы они съехали на какую-то квартиру, и о них практически ничего не было слышно. Иногда Санькиной маме, одинокой и нелюдимой Анне Гавриловне, соседи задавали вежливые вопросы, но вразумительного ответа так и не получали. И про Саньку как-то потихоньку стали забывать. Пока однажды, то есть сегодня, она не появилась на красном новеньком лимузине, перекрашенной блондинкой. Даже похудевшая и похорошелевшая. И я мысленно в очередной раз пропел дифирамбы зеленым бумажкам. Они на сей раз и впрямь сделали невозможное.

– Значит ты уже Сандра! – с явным сарказмом переспросил я. Но Санька как всегда ничего не поняла.

– Ну! – она с гордостью встряхнула крашенными волосами. – Именно, Сандра!

И она даже умудрилась покрутиться на месте, чтобы я оценил ее вид по достоинству.

– Неужели бросила своего повара? – я не унимался язвить.

– Ха! Как бы не так! Напротив, я теперь его ни за что не выпущу.

И она показала свои по-прежнему здоровенные кулаки. И я понял, что бедный повар попался.

– И с каких пор жены кулинаров так хорошо живут.

– Кулинаров! – Санька презрительно скривила свою мину. – Как бы не так! Тоже мне – кулинаров! Да если хочешь знать, он теперь ресторанный маг… маг… маграт! Вот!

И она облегченно выдохнула, справившись с непонятным иностранным словом.

– Ты хочешь сказать – магнат?

– Именно! Он теперь хозяин целой сети самых модных столичных ресторанов! Может, слышал – «Пицца-хват»?

– Вот так-так! – с притворным восхищением я округлил глаза. – И как это удается выпускникам кулинарного техникума?!

– А вы у нас ума наберитесь, интеллигентики, – она презрительно оглядела меня с ног до головы. – То же мне, щеголяли своими знаниями. Я то помню, все передо мной умников корчили, стишкы читали, музичку сочиняли! Ну и где ваши стишкы и музичка! Я вижу на тебе джинсы, которые ты еще в своем дурацком институте носил!

Пожалуй, если бы я услышал такое от кого-то другого, то обиделся и въехал по уху. Но Санька… Чучело и тушица… Она была настолько ничтожна, что серьезно относиться к ней я просто не мог.

– Ну ничего, Санька, теперь-то ты нам отомстила, – почти дружественно ответил я ей.

Если Бог и хотел для наглядности создать пример совершенного идиотизма, то с Санькой у него все получилось на славу. И я огляделся, чтобы придумать какой-нибудь предлог. И заметил Василия Николаевича, соседа по подъезду, старенького учителя-пенсионера. Он в который раз прогуливался вдоль мусорных баков взад-вперед, смущенно оглядываясь по сторонам. Я знал, что ему ужасно стыдно копаться в мусоре, но иначе на свою – честно заработанную – пенсию ему просто-напросто не прожить. Что ж, плата за добродетель, ум и талант оказалась слишком высокой… И я повернулся спиной к учителю, сделав вид, что ничего не заметил. И вновь столкнулся нос к носу с женой кулинара, разодетой тупоголовой идиоткой, развязно опирающейся своей мускулистой рукой на шикарный автомобиль. А ведь Василий Петрович был ее учителем долгие годы. Именно он хлопотал за нее, чтобы с горем пополам переводить ее из класса в класс. Санька перехватила мой взгляд и наконец удостоила вниманием своего учителя.

– Получил свое, старый придурок, – удовлетворенно хмыкнула она. – Представляешь, он мне не раз при всем классе заявлял, что я сильная и здоровая, поэтому смогу стать достойным представителем рабочего класса. И свое будущее смогу обеспечить, ежегодно по бесплатным путевкам отдыхая в какой-нибудь захудалом Крыму, а лет через пять получу жалкую однокомнатную квартиру. Ну и будущее же он мне нарисовал! Как бы не так!.. Вот пусть и копается в мусорных баках. А я только вчера вернулась из Лос-Анжелеса! Ха! И он еще мне постоянно указывал, что я никак не могла отличить Америку от Азии! А я между прочим полсвета объездила и до сих пор не могу отличить! И мне глубоко наплевать! А он, прекрасно разбираясь в своей географии, пусть сейчас покопается в дерьме. Может, подойти, поздороваться к нему, а?

Я схватил ее за руку и до боли сжал ее. Так, что Санька вскрикнула.

– Не смей к нему подходить! Тебе говорю – не смей!

– Фу, дурак, отпусти! Не пойду я к нему, больно нужно! Еще помрет от зависти!

– Допускаю, что он может умереть, увидев тебя. Особенно ему горько будет за годы, потраченные на таких, как ты. И откуда вы такие взялись, ответь мне, Санька?

– Мы просто, в отличие от вас, прекрасно разбираемся в жизни. А вы всего лишь разбирались в искусстве и науках. А жизнь и без искусства, и без наук может запросто идти своим ходом. А вот науки без жизни… Вот вы теперь и прозябаете, а мы просто живем. И, кстати, неплохо. Можешь сам убедиться. Приглашаю в гости! По-настоящему тогда поймешь, чего я стою! Мы новый домишце отгрохали! Полмира объездили, чтобы мебель себе выбрать! Кстати, оформили в английском стиле! Представляешь, я сама придумала – золотая люстра, ну как у

Людовика, и черные в золотые цветы занавески. Правда, красиво! А мне какая-то дура сказала, что не соответствует! Завидует!

– Поэтому у тебя такой акцент? Английский стиль требует?

– А ты что, хочешь, чтобы я с волжским болтала! Дудки! Я вращаюсь в высших кругах общества!.. Все завидуют!

– Ну, конечно! Завидуют, точно! Только я не пойму при чем тут Людовик? Насколько я помню, он был королем в Париже?

– Ну так правильно! Я же тебе и объясняю уже битый час – дом в английском стиле! А как тебе мое платье?

Она вновь покружила перед моим носом.

– Шик! От Кристиан Диор. Я только от нее одеваюсь, – похвасталась она.

От него, мысленно поправил я Саньку. Но промолчал.

– Так у меня еще и беби есть! – Санька так вдохновилась своими достижениями, что побратски толкнула меня и я чуть не упал. – Какой чудный малыш! Ходит в самую престижную гимназию. Обещали – через год стишата и рассказики научится писать. Вот так! Утре нос Петуху!

– А что, уже за деньги и стихи, и рассказы учат писать? – искренне удивился я.

– В-ay, – по-рекламному воскликнула Санька. – А ты не знал? И музыку сочинять тоже учат. Правда, подпортила мне наша горничная, дура! Из рук вон плохо с моим беби занималась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.